

Петр Первый и переосмысление понятия империи

1. 22 октября / 2 ноября 1721 г., после окончания Северной войны и заключения Ништадского мира (последний был заключен 30 августа / 10 сентября 1721 г.), Петр принимает императорский титул: он торжественно провозглашается «императором», «Великим» и «Отцом Отечества»¹. Согласно документам, инициатива этого мероприятия исходила от Синода, а не от Сената; это определялось, по-видимому, представлением о богоизбранности монаршей власти, независимо от титула монарха (слово «император», в отличие от слова «царь» имеет языческие коннотации, см. ниже).

Так после Римской, Византийской и Священной Римской империи в Европе появляется новая империя — Российская. Значение этого события выходит за рамки русской истории: как мы попытаемся показать, в какой-то мере оно определило вообще переосмысление понятия «империя».

2. Хотя в документах решение о поднесении Петру императорского титула приписывается Сенату и Синоду, несомненно, таково было желание самого Петра. Фактически Петр именовался «императором» и раньше — за четверть века до официального принятия императорского титула! — впервые, кажется, после Азовской победы 1696 г. и затем особенно часто после Полтавской победы 1709 г. (см.: Б. Успенский, 1996с, с. 176–177, примеч. 36). В 1709 г. Венский двор выражает недовольство применением титула «император»

---

¹ Это произошло в Троицком соборе в Петербурге после литургии, чтения ратификационной грамоты о мире и поучения Феофана Прокоповича, «в котором все Его Величества дела и славные действия со всеми благодеяниями, которыми Он во время Своего Государствования, особливо же во время сей войны, Своему Государству и подданным показывал, пространно показаны, и что Ему имя Отца Отечества, Императора и Великого имети по достоинству подобает» (ПСЗ–1, VI, № 3840, с. 445).

Троицкий собор (на Петербургской стороне, близ Троицкого моста), построенный в 1710 г., был освящен, по-видимому, в связи с условной датой основания новой столицы (в Троицын день, 16 мая 1703 г.); см.: Лотман и Б. Успенский, 1996, с. 135. Даты, относящиеся к русской истории, даются по старому стилю (т. е. юлианскому календарю).

по отношению к царю; в 1710 г. австрийский посол в России сообщает в Вену, что Головкин и Шафиров с угрозами добивались от Вены признания императорского титула (Флоровский, 1972, с. 390; Лотман и Б. Успенский, 1996, с. 176–1777; ср.: Б. Успенский, 2000, с. 95). В 1718 г. по приказанию Петра публикуется «Грамота подлинная Его Цесарскаго Величества Римскаго [Максимилиана I, императора Священной Римской империи] ... к Царю и Великому князю Всероссийскому, Василию Ивановичу ... которого помянутой Цесарь в той Грамоте своею титуловал Цесарем Всероссийским» (Быкова и Гуревич, 1955, № 298); об этой грамоте упоминается затем при поднесении Петру императорского титула². Как сообщает Фр.-Хр. Вебер, ганноверский резидент при русском дворе в 1714–1719 гг., после обнаружения грамоты Максимилиана (в 1718 г.) Петр велел показывать ее «всем и каждому» (Вебер, I, с. 356, § 438). Очевидным образом все это предвосхищало провозглашение Петра императором³.

---

² Имеется в виду послание императора Максимилиана I великому князю Василию III (1514 г.), написанное в связи с задуманным Максимилианом проектом антипольской коалиции. Известны два послания Максимилиана I к Василию III, причем второе из них представлено как в немецком, так и в латинском варианте; первое послание написано по-немецки. В немецком тексте Василий называется «*Kayser vnnd Herscher aller Rewssen und Groszfürste zu Wolodimer...*», в латинском — «*Imperator et Dominator uniuersorum Rhutenorum et Magnus Princeps Valadomerogum...*» (Идея Рима..., 1993, с. 439, 442, 446; СГГД, V, № 66, с. 62). Это наименование представляет собой дословный перевод титула «царь и государь всея Руси и великий князь...»: так именует себя Василий III в послании Максимилиану, при том что глава Священной Римской империи называется здесь «римским цесарем» (Идея Рима..., 1993, с. 431; СГГД, V, № 67, с. 66); в переводе этого послания на латинский язык, современном оригиналу, как титулу «царь», так и титулу «цесарь» соответствует латинское «*Caesar*» (Идея Рима..., 1993, с. 436). См.: Б. Успенский, 2000, с. 44 и 88–89.

Об отношении слов «цесарь» и «царь» в русском языке см. ниже.

³ На основании этой грамоты после провозглашения Петра императором предшествующие русские монархи могли также именоваться — задним числом — «императорами». Так, в описании коронации его супруги, Екатерины Алексеевны, при упоминании Кремля делается следующее пояснение: «то есть замок в середине города Москвы, в котором прежние Императоры Всероссийские, предки ныне счастливо владеющаго Его Императорского Величества, обыкновенную свою резиденцию имели» (Описание коронации, 1724, с. 1–2). И далее при описании скипетра, который вместе с державой («глобусом») несли перед Екатериной после ее коронации, говорится «что он

Итак, в 1721 г. за Петром был формально закреплен тот титул, который фактически, неформально он носил и раньше.

Строго говоря, Петр не был первым русским монархом, именовавшим себя императором: первым был Лжедмитрий I⁴ — так он называет себя после своей коронации 7 июля 1605 г. (см.: Б. Успенский, 1997а, с. 418–420; Б. Успенский, 1998, с. 140–142; Лаврентьев, 2001, с. 17, 175)⁵. Как в том, так и в другом случае это наименование связано с западной ориентацией. В обоих случаях при этом титул «император» противопоставляется титулу «царь». Лжедмитрий в качестве императора правил страной недолго и был свергнут, причем последующие русские правители снова стали называться «царями». Таким образом, правление Лжедмитрия стало кратковременным эпизодом,

---

есть тот же, которым издревле всегда употреблен при короновании и помазании Императоров Всероссийских» (там же, с. 26).

⁴ Лжедмитрий II, насколько мы знаем, именовался «царем и великим князем», но не называл себя ни «цесарем», ни «императором».

⁵ Лжедмитрий I при поставлении на царство (21 июля 1605 г.; относительно даты см.: Б. Успенский, 1998, с. 136, примеч. 1) был коронован дважды: сначала в Успенском соборе, где патриарх Игнатий возложил на него императорскую корону, якобы присланную Ивану IV императором Священной Римской империи, а затем в Архангельском соборе, где архиепископ Арсений Элассонский возложил на него так называемую шапку Мономаха, т. е. царский венец; все это имело место до литургии и миропомазания. Основное значение имела коронация в Успенском соборе, которую можно определить как императорскую коронацию. Венчание шапкой Мономаха и именно в Архангельском соборе — гробнице предков — призвано было подчеркнуть наследственные права поставляемого монарха. Вместе с тем венчание императорской короной обнаруживало претензии Лжедмитрия на императорский титул и свидетельствовало вообще о западной культурной и политической ориентации. См.: Б. Успенский, 1998, с. 139–142.

О том, что корона, которой венчался Дмитрий Иванович (Лжедмитрий), была прислана его отцу (Ивану IV) императором Священной Римской империи, сообщает Арсений Элассонский (см.: Дмитриевский, 1899, с. 104–105). На самом деле речь идет о короне, которая в 1600 г. была заказана Борисом Годуновым придворному ювелиру императора Рудольфа II; императорские послы привезли ее в Москву только весной 1604 г., так что Годунов не успел ею воспользоваться (см.: Лаврентьев, 2001, с. 177 и илл. № 10 на с. 60). Можно догадываться, что уже Годунов предполагал принять императорский титул. Мы не знаем, какого рода церемония предполагалась для Годунова при возложении императорской короны.

выпадавшим из истории России. Напротив, принятие Петром титула «император» ознаменовало новый этап в истории России и мира.

3. Хотя Петр принял новый титул, он не короновался как император (в отличие от Лжедмитрия I); в свое время он был коронован как царь, и это было единственное поставление на престол, делавшее его власть легитимной. Вместе с тем в 1724 г. была коронована как императрица его супруга, Екатерина⁶. После смерти Петра, изменившего порядок престолонаследия, но не успевшего назначить себе преемника, Екатерина возводится на престол; императорская коронация Екатерины неожиданно оказывается, таким образом, важным прецедентом, определившим последующие коронации русских императоров (см.: Б. Успенский, 1998, с. 162–165)⁷.

---

⁶ В извещавшем о предстоящем торжестве манифесте (15 ноября 1723 г.) Петр указывал на заслуги государыни перед Отечеством в труднейшие для него времена и ссылаясь на пример византийских императоров: «Во всех христианских государствах непременно обычай есть потентатам супруг своих короновать, и не точию ныне, но и древле у православных императоров греческих сие многократно бывало, именно: император Василиск супругу свою Зиновию, император Юстиниан супругу свою Люпицию, император Ираклий супругу свою Мартинию, император Лев Премудрый супругу свою Марию императорским венцом короновали, и прочие тоже чинили, о которых здесь пространно изображать за потребно не разсудили» (ПСЗ–1, VII, №4366, с. 161). (В приведенных примерах много неточностей: жену Василиска звали не Зиновия, а Зинония; Люпиция или Люпицина, будущая императрица Евфимия, была женой Юстина I, а не Юстиниана; Мария была женой Льва III Исавра, а не Льва VI Премудрого.)

Равным образом коронована была и жена Лжедмитрия, Марина Мнишек. Вместе с тем, в отличие от Екатерины I, Марину короновал патриарх, а не ее супруг, т. е. формально она была коронована не как супруга царя (императора), а как царица, облеченная всей полнотой власти. См.: Б. Успенский, 1997а, с. 408–409.

⁷ Для коронации Екатерины I в 1724 г. была изготовлена императорская корона (см. ее описание: Описание коронации, 1724, с. 26). После ее смерти этой короной венчался Петр II.

У самого Петра (I-го) не было императорской короны; изображения его с короной на голове имеют условный характер; обычно же он изображался в лавровом венце, античной аллюзии короны императоров-триумфаторов (пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить за консультацию А. В. Лаврентьева). Берхгольц, описывая коронацию Екатерины I, сообщает, что во время шествия из дворца в церковь Петр был в шляпе с белым пером. В церкви

По своему исходному значению слово «царь» равнозначно слову «император»: царями называли на Руси византийских императоров (см. подробнее ниже). Речь идет, таким образом, не о расширении власти, а о символическом перенаименовании, вызванном сменой культурной ориентации. Это переименование органически вписывается в общую тенденцию петровских реформ, так или иначе — буквально или метафорически — сводившихся к переодеванию России в европейское платье (ср.: Б. Успенский, 2004).

Характер власти, по существу, не изменился: переименование (новый титул) призвано было означать смену культурной ориентации — от византийской к европейской модели. Именно поэтому принятие императорского титула не сопровождалось коронацией или какой-то специальной церемонией (которая имела бы ритуальный характер и обеспечивала бы легитимность власти). Власть оставалась той же, что и прежде.

Совершенно очевидны как культурно-семиотический, так и одновременно политический аспекты этого решения: Россия заявляла о себе как о европейском государстве, стремясь вписаться в европейский культурный контекст; Петр заявлял о себе, о своей власти на новом языке. В изменении титула усматривается стремление избавиться от восточных (византийских или татарских) ассоциаций, связанных со словом «царь» (см. ниже), и это вполне вписывается в культурную программу Петра.

Была, видимо, и внутренняя причина: отказ от традиционных институтов позволял решить вопрос о престолонаследии⁸. Едва ли она имела решающее значение: ведь Петр начал именоваться «императором» очень рано и собирался отрешить Алексея Петровича от престола еще до принятия императорского титула (см.: Соловьев, IX, с. 140 сл.)⁹.

он возвел Екатерину на трон (который был в ней устроен, ср.: Описание коронации, 1724, с. 10) и там отдал свою шляпу Меншикову, стоявшему позади него (Берхгольц, IV, с. 39). Как кажется, корону ему заменяла шляпа. Заслуживает внимания при этом, что Петр вошел в церковь в шляпе.

⁸ Уже 5 февраля 1722 г. Петр издает указ о престолонаследии. Указ отменял древний обычай передавать престол прямым наследникам по мужской линии и предусматривал назначение наследника престола по воле императора. Этот указ был отменен императором Павлом I в 1797 г.

⁹ Характерно в этом смысле, что церковную реформу Петр начал — и в значительной степени осуществил — до принятия императорского титула, т. е. будучи царем, а не императором. Проведение церковной реформы — столь радикальной и в таких масштабах — демонстрировало неограниченность царской власти: изменение титула в этом смысле ничего не давало.

Можно предположить, вообще говоря, что разнородные факторы — культурно-семиотические, внешнеполитические, внутривнутриполитические — сошлись вместе и обеспечили принятие императорского титула.

4. Культурно-семиотическая подоплека этого переименования — принятия императорского титула — представляется совершенно ясной: прежде всего это была ориентация на Римскую империю. Последняя воспринималась вообще как культурная модель империи, т. е. титул «император» имел в первую очередь римские коннотации.

Знаменательно, что наименование Петра «императором» связывается, как и в Древнем Риме, с воинскими победами. В Римской республике, как мы знаем, императором назывался всякий полководец, за которым признали право на триумф. Юлий Цезарь, который праздновал триумф за триумфом, был в этом смысле перманентным императором. Точно так же и Петр назывался императором после очередной победы, причем победы эти оформлялись как триумфы. В 1721 г. титул императора был за ним окончательно закреплён, и это, вообще говоря, может напоминать переход от правления Цезаря к правлению Августа.

Римская тема отчетливо звучит в речах архиепископа Феодосия Яновского, вице-президента Синода, и канцлера Г. И. Головкина после литургии в Троицком соборе, когда Петру от имени Синода и Сената¹⁰ был преподнесен императорский титул — когда он был провозглашен «императором», «Великим» и «Отцом Отечества» (Протоколы, 1868, стлб. CCCCLVII–CCCCLIX; ПСЗ–1, VI, №3840, с. 445).

Все названные титулы — римские или, во всяком случае, осмыслялись как таковые. Выражение «Отец Отечества» представляет собой перевод латинского *Pater Patriae* — почетного титула римских императоров. Что же касается наименования «великий», то еще ранее, при подготовке данной церемонии, было заявлено, что Петр именуется теперь «Великим» «по примерам, как древния Цесари Римския и Греческия, Иулий [Юлий Цезарь] и прочии, по делам великим в титулах своих Великими именованны были» (Протоколы, 1868, стлб. CCCCLIII; Б. Успенский, 2000, с. 79)¹¹. Это заявление относится

¹⁰ Архиепископ Феодосий говорил от имени Сената и Синода, канцлер Головкин — от имени Сената. Ср. пересказ речи Головкина в письме Лави (de la Vie), французского посланника в Петербурге, кардиналу Гийому Дюбуа (Guillaume Dubois) от 8 ноября 1721 г. (Переписка..., 1884, с. 305–306, №93), см. также: Берхгольц, I, с. 132.

¹¹ Это заявление прозвучало на конференции Синода 18 октября 1721 г. По-видимому, это слова Феофана Прокоповича.

к области культурно-исторической мифологии: Юлия Цезаря официально не называли «великим»¹² и в титулатуре римских императоров нет этого слова¹³. Существенна, однако, сама ссылка на Юлия Цезаря и «римских и греческих цесарей»: события прошлого получают актуальность в культурном сознании через их интерпретацию — важно не то, что было на самом деле, а то, как осмыслялись исторические события или какое их понимание навязывалось обществу.

Не менее показательным в этом смысле было наименование императора без отчества. Ранее цари всегда назывались по имени и отчеству (*Алексей Михайлович, Петр Алексеевич* и т. п.): наименование без отчества уподобляло Петра римскому императору и вообще западному монарху (Б. Успенский, 1996а, с. 77–78; Б. Успенский, 2004, с. 21).

Речи Феодосия Яновского и Головкина в Троицком соборе заканчивались возгласием: «Виват, Виват, Виват, Петр Великий, Отец Отечества, Император Всероссийский» (Протоколы, 1868, стлб. CCCCLIX, ср. стлб. CCCCLVIII; ПСЗ–1, VI, №3840, с. 446). В этой фразе слова *виват* и *император* — латинские, *Отец Отечества* представляет собой кальку латинского *Pater Patriae*, *великий* отсылает к титулатуре Юлия Цезаря, наименование *Петр* (без отчества) отвечает наименованию римских цезарей. И сама эта фраза представляет собой не что иное, как а к к л а м а ц и ю, имеющую перформативный смысл, т. е. делающий Петра императором: этой фразой Петр провозглашался

---

¹² «Великим» (*magnus*) именовался Помпей: так, согласно Плутарху («Помпей», § 13), его называли в свое время Сулла и Марий, и так он позже называл себя сам в официальных рескриптах. Это, по-видимому, было почетное определение, относящееся лично к нему, а не титул.

¹³ «Великим» принято было называть императора Константина. Не менее актуальным была ориентация на Карла Великого: Карл назывался так при жизни, причем имя «великий» было переосмыслено при императорской коронации.

Карл Великий дал своему старшему сыну от брака с Хильгегардой — первому сыну, родившемуся во время его правления, и, видимо, первому законному сыну — имя Карл (в 772 г.). Это нарушало традицию: ранее сын получал имя отца только если отец умер до его рождения. Таким образом, появились два Карла — большой (великий) и малый. Карла Великого стали называть «Великим» (*magnus*) задолго до его императорской коронации (в 800 г.). Можно предположить, что это случилось после рождения Карла Юного. Впоследствии — как кажется в связи с императорской коронацией — это наименование было переосмыслено как панегирическое. См.: Б. Успенский, 2000, с. 63–64; Б. Успенский, 2012, с. 28.

императором, подобно тому, как в Древнем Риме аккламация делала императором победоносного полководца.

Характерным образом в прошении сенаторов 21 октября 1721 г. говорилось: «Помыслили мы, с прикладу древних, особливо ж римского и греческого народов, ... принести свое прошение к Вам публично, дабы изволили принять от нас, яко от верных своих подданных, во благодарение титул Отца Отечества, Императора Всероссийского, Петра Великого, как обыкновенно от Римского Сената за знатные дела императоров их такие титулы публично им в дар приношены и на статуах для памяти в вечные роды подписываны» (Воскресенский, 1945, с. 155, № 212; Преображенский и Новицкая, 1997, с. 60–61)¹⁴.

Ориентация Петра на древний (античный) Рим начинается задолго до принятия императорского титула (так же, как наименование императором начинается задолго до 1721 г.). Так, в 1711 г. Петр учреждает Сенат, по аналогии с римским Сенатом. Характерно, вместе с тем, что вслед за Сенатом появляется Синод, причем учреждение Синода в начале 1721 г. непосредственно прешествует принятию императорского титула. Слово Сенат знаменует ориентацию на Римскую империю, Синод — на Византию, т. е. христианское продолжение Римской империи. Государственное устройство Российской империи призвано объединить обе эти традиции. При этом ориентация на Византию проявляется теперь исключительно в церковной сфере.

Нельзя не отметить в этой связи, что и Лжедмитрий I — первый русский государь, назвавший себя императором, собирался превратить боярскую Думу в Сенат¹⁵: понятия империи и сената оказываются связанным в культурном сознании — одно предполагает другое.

Ориентация на Рим проявляется и в наименовании столицы Российской империи «градом Святого Петра»; характерным образом герб Петербурга содержит в себе трансформированные мотивы герба города Рима (и впоследствии Ватикана как преемника Рима). Петербург строится как город святого Петра; если Москва традиционно понимается как новый Константинополь (и, тем самым, «Третий Рим»),

---

¹⁴ Отметим, что в Петербурге в это время воздвигнут был храм Януса (уподобляющий Петербург императорскому Риму). См. письмо Лави, упомянутое выше (в примеч. 10 наст. работы), а также: Берхгольц, I, с. 139.

¹⁵ Лжедмитрий I называл думских бояр «сенаторами» (см.: Карамзин, XI, стлб. 126). Ср. проект учреждения Сената, написанный рукой Яна Бучинского, секретаря Лжедмитрия: Рос. гос. архив древних актов, ф. 149, оп. 1, № 9 (<http://www.rusarchives.ru/smuta/02-37-imennaya-rospis-lzhedmitry-1.shtml>).

то Петербург создается как новый Рим, противопоставленный как Москве, так в конечном счете и Константинополю (см.: Лотман и Б. Успенский, 1996, с. 129 сл.).

5. Особенно характерно наименование императора «Первым»: Петр именуется подобно тому, как именуются западные монархи. Но западные монархи, имена которых часто совпадают (как это характерно вообще для правящих династий, где наименование обычно означает претензию на власть, см.: Ф. Успенский, 2001) называются «первыми» не в эпоху их правления, а задним числом, т. е. ретроспективно; Петр же называет себя так проспективно: он устремлен не только в прошлое, но и в будущее¹⁶.

Правда, при провозглашении Петра императором в 1721 г. отсутствует определение «первый». Однако это определение входит в форму императорского титула, утвержденного именованным указом от 11 ноября 1721 г.: Петра предписывается именовать: «Петр Первый Император и Самодержец Всероссийский» (ПСЗ–1, VI, № 3850, с. 453–454).

С одной стороны, Петр уподобляется таким образом западноевропейским монархам. С другой же стороны, он заявляет о начале нового государства, каковым и призвана стать Российская империя.

Реакция русского общества на это наименование была определенно негативной: наименование «Петр Первый» должно было восприниматься как неправомерное притязание на то, чтобы быть точкой отсчета, началом, демиургом — что было доступно вообще говоря лишь сфере сакрального (см.: Б. Успенский, 1996а, с. 77–78). Эта реакция была в какой-то мере мотивирована — можно даже сказать, спровоцирована — самой риторикой петровского времени.

Действительно, в царствование Петра настойчиво подчеркивалась мысль о его личной харизме — не о сакральности царской власти, а о сакральности, ему, Петру, лично присущей! — и он сравнивался с Богом. Так, при принятии императорского титула отчетливо прослеживается религиозная риторика. Объясняя титул «Отец Отечества», члены Синода говорили: «яко трудами Его Величества и мудрым руководством Россия из тмы неведения на театр славы всего

---

¹⁶ Это становится традицией в Российской империи: в дальнейшем императоры Павел, Александр и Николай называют себя Первыми, при том что Павел Второй отсутствует в русской истории, а Александр Второй и Николай Второй появляются здесь значительно позже. После Петра так начинают называть себя некоторые западноевропейские монархи (см. ниже, примеч. 79, об австрийском императоре Франце I), а также константинопольские патриархи (например, ныне действующий патриарх титулуется себя Варфоломеем Первым).

света произведена, аки бы из небытия в бытие порождена и во общество политических народов присовокуплена»; данная формулировка было повторена затем в речах Феодосия Яновского и канцлера Головкина в Троицком соборе, обращенных к самому Петру (Протоколы, 1868, стлб. CCCCLII, CCCCLVII– CCCCLIX; ПСЗ–1, VI, № 3840, с. 445). Это не что иное, как цитата из тропаря, который поется Великим постом на Крестопоклонной неделе, ср. здесь обращение к Господу: «от небытия в бытие привел еси нас...»¹⁷. Как видим, Петр уподобляется Богу: в какой-то мере это соответствует обожествлению римских императоров, но оно переносится в христианский контекст¹⁸.

Итак, Петр настойчиво провозглашается первоначинателем и творцом новой России¹⁹ — именно в этом он оказывается подобным Богу. Соответственно, при встрече в Москве в триумфальных воротах, так же как при входе в московский Спасский монастырь, отроки, одетые в белые подстихари, встречали Петра «с вайями и ветвями» словами церковного пения, обращенного к Христу в Вербное воскресенье «Благословен грядый во имя Господне, осанна в вышних, Бог

¹⁷ Триодь постная, пяток 3-й седмицы, утро (по 6-м часу), тропарь пророчества, глас 8. Начало: «Словом вся твоею совершил еси силою, Боже, и от небытия в бытие привел еси нас...».

¹⁸ Позднее (в сер. XVIII в.) П.Н. Крекшин в предисловии к «Запискам об истории Петра» молитвенно обращается к Петру: «Отче наш, Петр Великий! [Молитва *Отче наш*] здесь переосмысливается в связи с наименованием Петра *Отцом Отечества*]. Ты нас от небытия в бытие привел... До тебя вси нарицаху нас последними, а ныне нарицают первыми» (обыгрывается евангельский текст: Мф. XIX, 30; XX, 16; Мк. X, 31; Лк. XIII, 30) (Сахаров, I, с. 3–4; ср.: Порфирьев, 1901, ч. II, отд. 1, с. 90). Ломоносов писал о Петре: «Он Бог, он Бог твой был, Россия, / Он члены взял в тебе плотския, / Сошед к тебе от горьних мест» (эти слова вложены в уста Марса и Минервы; «Ода на тезоименитство Петра Федоровича», 1743 г., см.: Ломоносов, VIII, с. 109). Ср. у Сумарокова: «Российский Вифлеем: Коломенско село, / Которое на свет Петра произвело! / Ты щастья нашего величье и начало; / В тебе величие Российско возсияло» («Российский Вифлеем», 1759 г., см.: Сумароков, VI, с. 303).

¹⁹ Кантемир говорит во второй сатире (1730 г.): «Мудры не спускает с рук указы Петровы / Коими стали мы вдруг н а р о д у ж е н о в ы й» (Кантемир, I, с. 46). Подобная риторика проникала и за границу; в 1716 г. Конон Зотов писал царю из Парижа: «Маршал д'Этре принял меня так милостиво, будто сына своего; он назвал ваше величество т в о р ц о м р о с с и й с к о г о н а р о д а: что может быть сказано в вашу хвалу лучше этого?» (Соловьев, VIII, с. 474).

Господь и явился нам...» (Тетради Ивана Павлова, 1872, с. 123); таким образом, Петр изображал Христа, входящего в Иерусалим²⁰; то же, по-видимому, имело место и при въезде в Москву после Полтавской победы 21 декабря 1709 г. (Голиков, 1790–1797, XVI, с. 223)²¹. Аналогично и при выходах Петра из Спасского монастыря его встречали пением «Осанна в вышних», т. е. опять-таки обращались к нему как к Богу, причем выходил он в венце, который соответствовал лавровому венцу римских императоров, но одновременно мог ассоциироваться и с терновым венцом Христа (Тетради Ивана Павлова, 1872, с. 124). Языческие триумфы предстают таким образом в христианском обличье.

Сама по себе, замена титула «царь» на титул «император» может восприниматься как признак секуляризации монаршей власти. В самом деле, называя себя «царем», монарх уподоблялся Христу: Христос, так же как ветхозаветные цари, именуется именно «царем», но не «императором». Слово «царь» воспринималось вообще как сакральное слово²². Соответственно, отказ от царского титула — замена титула «царь» на «император» — мог вызывать резко отрицательную реакцию в консервативной части общества (см.: Лотман и Б. Успенский, 1996, с. 140).

---

²⁰ Возникновение этой традиции, несомненно, связано с отменой при Петре обряда шествия патриарха на осляти, совершавшегося в Москве на Вербное воскресенье, т. е. на вход Господень в Иерусалим. Во время шествия на осляти патриарх мистически олицетворял Христа, входящего в Иерусалим и воспринимался как живая его икона. После отмены этого обряда (в 1687 г.) и отменой патриаршества такого рода восприятие переносилось на самого Петра. См.: Живов и Б. Успенский, 1996, с. 272–280; об обряде хождения на осляти см. специально: Б. Успенский, 1998, с. 440–458

²¹ И. И. Голиков в цитируемом нами описании торжественного въезда Петра в Москву после Полтавской победы говорит, что Петра встречали «в белых одеждах юноши с венками на главах и ваиями в руках, которые, идя в сретение Государю, пели приличные торжеству песни». С вероятностью можно предположить, что они пели «Бог Господь и явился нам...». Ср. описание триумфальных ворот (там же, с. 143–210).

См. в этой связи: Шмурло, 1912, с. 18, 22; Б. Успенский, 1996а, с. 75; Живов и Б. Успенский, 1996, с. 271

²² Характерно, что в словаре Памвы Берынды 1627 г. слово «церковь» трактуется как производное от «царь» (см.: Б. Успенский, 1998, с. 146). Ср. свидетельство капитана Маржерета (в записках 1607 г.) о восприятии русскими слова «царь» (см.: Б. Успенский, 2000, с. 43).

Латинский язык в этом отношении отличается как от греческого, так и от церковнославянского языка, ориентированного на греческий. По-гречески как Христос, так и ветхозаветные цари именовались «василевс» (βασιλεύς), и это наименование совпадает с титулом византийского императора. Иначе говоря, в греческом языке слово «василевс» объединяет значения царя в библейском смысле и императора (равным образом греческое βασιλεύειν может означать как «regnare», так и «imperare»); в латинском же языке эти значения противопоставлены²³. То же относится и к славянскому титулу «царь», представляющему собой эквивалент греческого «василевс» (см.: Б. Успенский, 2000, с. 18 сл.).

Принимая латинский титул «император», Петр в какой-то мере отказывался от уподобления монарха Христу — порывал с традицией уподобления монарха Христу на языковом уровне, — но это компенсировалось его личным уподоблением Христу.

6. Наряду с ориентацией на Римскую империю, о которой шла речь выше, с принятием императорского титула при Петре прослеживается ориентация на Священную Римскую империю, и с течением времени именно эта ориентация становится все более актуальной. Это вполне понятно: Священная Римская империя провозглашала себя как продолжение древней Римской империи, и естественно было воспринимать одну через другую. Древняя Римская империя давно уже не существовала (как не существовала уже и империя Византийская), и в культурном сознании она выступала прежде всего как идеальная модель империи; в этих условиях представления о древнеримской империи усваивались через империю, реально существующую. Так, например, если учреждение Сената в России (в 1711 г.) говорит об ориентации на Римскую империю, то должность «канцлера», учрежденная в 1709 г., столь же определенно указывает на Священную Римскую империю.

В дальнейшем семантика титула русского императора определяется соотношением не только с римским императором, сколько с императором Священной Римской империи. Соотнесение русского монарха с римским или византийским императором могло иметь место лишь в диахронической перспективе, тогда как соотношение с императором Священной Римской империи было релевантно для актуального сознания эпохи, т. е. для синхронной политической ситуации.

---

²³ Первоначально императоры Византии продолжали именоваться по-латыни: «imperator Caesar» и «Augustus». Греческий титул βασιλεύς появляется при императоре Ираклии (641 г.); с этого времени императоры Византии именовались так, как называется Христос и ветхозаветные цари. У Петра, как видим, — прямо противоположная тенденция.

Император Священной Римской империи назывался на Руси «цесарем»: слова «цесарь» и «император» воспринимались как синонимы²⁴. Лжедмитрий I называет себя «цесарем» в русских документах, «императором» (*Imperator*) — в латинских, при том что в грамотах, предназначенных для внутреннего пользования, он продолжает именовать себя «царем» (см.: Б. Успенский, 1997а, с. 417; Б. Успенский, 1998, с. 140–143).

Как уже упоминалось, в 1718 г. по приказанию Петра публикуется «Грамота подлинная Его Цесарскаго Величества Римскаго [Максимилиана I] ... к Царю и Великому князю Всероссийскому, Василию Ивановичу ... которого помянутой Цесарь в той Грамоте своею титуловал Цесарем Всероссийским»; эта грамота упоминается затем в речи канцлера Г. И. Головкина в 1721 г., но здесь он назван «императором»: «ИМПЕРАТОР, яко титул сей достохвальным Его Величества антецессорам от неколиких сот лет славнейшим императором Римским Максимилианом уже приложен, и Его Величеству по высокославным и мужественным делам зело свойствен есть» (Протоколы, 1868, стлб. CCCCLIII, ср. стлб. CCCCLIX; ПСЗ–1, VI, № 3840, с. 445). Замена славянского слова «цесарь» на латинское слово «император» кажется достаточно характерной.

После того как Петр принимает императорский титул, возникает вопрос о том, как называть его супругу, Екатерину. Слова «императрица» не было в русском языке²⁵. Первоначально Екатерину решили именовать «цесарева» (ср. польск. *cesarzowa*)²⁶, и лишь затем утвердился титул «императрица»²⁷. Между тем дети императора стали на-

---

²⁴ Это отразилось в словах «цесарец» (австрийский подданный), ср. также «цесарец» (так называли на юге Российской империи венгров и чехов), «цесарец» или «венгерец» (так называли бродячих мелких торговцев, которые по национальности большей частью были словаками), «цесарка» (домашняя птица из семейства куриных, видимо, вывезенная в свое время из Австрии) и т. п. См.: Даль, IV, стлб. 1259; Фасмер, IV, с. 301.

²⁵ Точно так же, например, до относительно недавнего времени в русском языке не было названия для жены шаха: слово «шахиня» было искусственно создано в 1956 г., когда в СССР прибыл шах Мохаммед-Реза-Пехлеви со своей супругой Сораей.

²⁶ Так же звали и супругу Лжедмитрия I, Марину Мнишек, который, как уже упоминалось выше, именовался «цесарем» или «императором» (СГГД, II, с. 290, № 138; ср.: Б. Успенский, 1997а, с. 408).

²⁷ Сенат и Синод на конференции 23 декабря 1723 г. определили: супругу царя называть «Императрицею или Цесаревою», а детей (дочерей) «Цесаревнами». Петр утвердил это решение, заменив «Цесареву» на «Императрицу, ее

зываются «цесаревичами» и «цесаревнами»; напротив, дети покойного к тому времени царя Ивана Алексеевича (брата Петра) продолжали называться «царевнами», а его жена — «царицей» (см.: Соловьев, IX, с. 539; Воскресенский, 1945, с. 174, § 223; Лотман и Б. Успенский, 1996, с. 139–140). В этих наименованиях отразилась исходная синонимичность титулов «цесарь» и «император».

Позднее, в 1797 г., император Павел определяет в законе о престолонаследии титул «цесаревич» наследнику престола («цесаревной» стала именоваться с этого времени супруга наследника престола — Даль, IV, стлб. 1259), все же остальные дети, как и близкие родственники императора, называются «великими князьями»²⁸. Тем самым русская титулатура привязывается к титулатуре Священной Римской империи: титул «цесаревич» коррелирует с титулом «кронпринц», тогда как титул «великий князь», бывший в свое время наименованием русского монарха, предстает теперь как точная калька с титула «archidux» или «эрцгерцог» (*Erzherzog*)²⁹. (Титул «герцог» коррелирует со словом

цесаревино величество»; наименование детей сохранилось. См.: Соловьев, IX, с. 539; Лотман и Б. Успенский, 1996, с. 139–140 (примеч. 3).

²⁸ Словосочетание «великий князь» входило также в царский и императорский титул для обозначения земель, вошедших в русское царство или империю (наследственных владений русского монарха). Помимо исконных русских земель, император именовался также «великим князем Финляндии», поскольку до вхождения в состав Российской империи в 1809 г., будучи под властью Швеции, Финляндия называлась *Storfurstendömet Finland*, т. е. «Великое княжество Финляндское». С конца XVI в. шведские короли или кронпринцы носили титул *Storfurste av Finland* («великий князь Финляндский»).

²⁹ Согласно Учреждению об Императорской фамилии, обнародованному в день коронации Павла 5 апреля 1797 г., «цесаревичем» именуется наследник престола (ПСЗ–1, XXIV, № 17906, § 31, с. 530), остальные сыновья, а также братья, внуки, правнуки и праправнуки именуются «великими князьями», соответствующие лица женского пола — «великими княжнами»: «Титул Великого Князя, Великой Княжны и Императорских Высочеств, назначается всем Императора сыновьям, дочерям, внукам, правнукам и праправнукам» (ПСЗ–1, XXIV, № 17906, § 32, с. 530). Согласно Учреждению об Императорской фамилии от 2 июля 1886 года, изданному Александром III с целью ограничения числа лиц, носящих подобный титул, носить его могли только дети императора и внуки его мужского пола («Титул Великого Князя, Великой Княжны и Императорских Высочеств принадлежит сыновьям, дочерям, братьям, сестрам, а в мужеском поколении и всем внукам Императоров» — ПСЗ–3, № 5851, с. 383).

«князь» с петровского времени: так, А. С. Меншиков в 1707 г. называется как «князь Ижорский», так и «герцог Ижорский» — термины «князь» и «герцог» фигурируют как равноправные³⁰.)

Так исподволь, незаметно, в титулатуре прослеживается смена культурной ориентации: от древней Римской империи к Священной Римской империи, актуальной для монарха XVIII в. В новом контексте традиционные русские титулы, такие как «великий князь», получают новое семантическое наполнение: они входят в корреляцию с титулами западноевропейскими. То же относится и к титулу «царь», который, попадая в западноевропейский культурный контекст, коррелирует со словом «король» — при том, что ранее титул «царь» соотносился не с королем, а с императором (подробнее об этом будет сказано ниже).

Вполне закономерно, что сам акт о престолонаследии, торжественно провозглашенный Павлом в московском Успенском соборе в день коронации 5 апреля 1797 г. (ПСЗ–1, XXIV, № 17910, с. 588)³¹, основывается на так называемой «полусалической» или «австрий-

---

В Учреждении об Императорской фамилии 1797 г., говорится, что титул этот принадлежит «одному объявленному всенародно наследнику престола» («Титул Наследника, Цесаревича, Великого Князя, и Императорского Высочества, принадлежит одному объявленному всенародно, Престола Наследнику» — ПСЗ–1, XXIV, № 17906, § 31, с. 530, ср. также примеч. к § 30: «Титул Цесаревича всегда соединен с тою Особою, которая действительно в то время Наследником Престола назначена»). В акте о престолонаследии, обнародованном в тот же день, Павел назначил наследником своего старшего сына Александра, который и стал именоваться «цесаревичем». Тем не менее 28 октября 1797 г. был издан манифест, по которому тот же титул цесаревича был дарован второму сыну Павла — великому князю Константину Павловичу, «во мзду и вящее отличие»; в отличие от Александра, который назывался цесаревичем до того, как стал императором, Константин Павлович сохранял этот титул пожизненно — при том, что в 1826 г. он был исключен из порядка престолонаследия (см.: Лотман и Б. Успенский, 1996, с. 140).

В Австрии старший сын императора именовался «императорским наследным принцем», все прочие члены императорской фамилии именовались «эрцгерцогами» или «эрцгерцогинями» (лат. *archidux*, нем. *Erzherzog*). См.: Сатоу, 1947, с. 55.

³⁰ Характерно, что дети Меншикова при этом именовались «принцами» (см.: Карнович, 1991, с. 185).

³¹ После возведения на престол император Павел, стоя, прочитал в храме акт о престолонаследии, в котором российские государи объявляются главой церкви. По прочтении акта император царскими вратами вошел в алтарь

ской» системе престолонаследия, при котором после пресечения всех мужских линий престол переходит к женскому потомству последнего монарха. Такой закон был принят в Австрии (т. е. Священной Римской империи), и Павел явно на нее ориентировался.

Ориентация на Священную Римскую империю прослеживается и в других титулах и званиях. Так, не позднее 1694 г. в России появляется звание генералиссимуса — высшее воинское звание Священной Римской империи (персонально присваиваемое)³², которое становится таким же званием Российской империи. Впервые оно появляется здесь в потешных войсках (Ф. Ю. Ромодановский и И. И. Бутурлин носили чин «генералиссимуса потешных войск»), но потешные войска положили начало регулярной русской армии (ср.: Б. Успенский, 2004, с. 21). В 1696 г. генералиссимусом становится А. С. Шеин за успешные действия под Азовом, в 1727 г. — А. Д. Меншиков. Этот чин упоминается в «Воинском уставе Петра» (1716 г.), где говорится, что «сей чин коронованным главам и великим владеющим принцам только надлежит, а наипаче тому, чье есть войско». Подобному условию в русской истории в какой-то мере отвечал только принц Антон-Ульрих Брауншвейгский, ставший генералиссимусом в 1740 г.³³ Кроме названных лиц, генералиссимусом Российской империи был А. С. Суворов (1799 г.).

С начала 1700-х гг. в России появляются князья, графы и бароны Священной Римской империи (пожалования в княжеское, графское и баронское достоинство производятся при этом императором

и положил его на престол (ПСЗ–1, XXIV, № 17910, с. 588; Шильдер, 1901, с. 343; Б. Успенский, 1998, с. 177).

³² В Священной Римской империи впервые титул генералиссимуса получил граф Альбрехт фон Валленштейн во время Тридцатилетней войны в 1628 г.

³³ Первоначально на это звание претендовал Б.-Х. Миних, но уступил его Антону-Ульриху. В указе о назначении Антона-Ульриха генералиссимусом сказано было, что Миних, «приобрев своими великими заслугами право на достоинство Генералиссимуса, уступает оное Родителю Императора» (см.: Галем, I, с. 200; ср.: Бантыш-Каменский, I, с. 192). В день рождения Павла Петровича (будущего императора Павла I), 20 сентября / 1 октября 1754 г., Миних, будто бы, заявил его матери (Екатерине Алексеевне), что когда тот достигнет семнадцатого года, он, Миних «желает поздравить его Генералиссимусом Российских войск и проводить в Константинополь служить обедню св. Софии» (см.: Галем, II, с. 200). Речь идет так называемом «греческом проекте» Екатерины II, который относится к 1780-м гг. и едва ли мог зародиться так рано.

Священной Римской империи или от его имени, идя навстречу желанию русского монарха)³⁴.

Вслед за тем Петр начинает самостоятельно жаловать в графское, баронское и княжеское достоинство. Графов и баронов на Руси ранее вообще не было, князья были, но это был потомственный, а не жалованный титул. Совершенно очевидно, что русский монарх ориентируется при этом на императора Священной Римской империи: он усваивает прерогативы императора³⁵.

В результате княжеский титул приобретает черты придворного титула. Характерно, что в дальнейшем становится возможным лишение княжеского титула по Высочайшему указу³⁶.

Первым графом Священной Римской империи в России стал Ф. А. Головин в 1701 г., затем А. Д. Меншиков в 1702 г., Г. И. Головкин в 1707 г. и А. А. Матвеев в 1715 г.³⁷ Параллельно с этим появляются и первые российские графы, пожалованные Петром и затем его преем-

---

³⁴ Получение княжеского, графского или баронского титула Священной Римской империи (как и вообще иностранного титула) в принципе предполагало Высочайшее соизволение на принятие его и ношение в России (хотя такой порядок, может быть, установился не сразу). В отдельных случаях титулованные лица Священной Римской империи получали соответствующий титул Российской империи.

³⁵ Ср.: «Петр I, жалуя графское и баронское достоинство, гербы, выступал как монарх, равный по своим прерогативам другим государям Европы. Фигурой, равенства с которой добивался Петр, был в первую очередь император Священной Римской империи» (Хоруженко, 1999, с. 31). В XVIII в. пожалование не всегда оформлялось соответствующим указом (см. там же, с. 94, ср. с. 78).

³⁶ Так, в 1727 г. был лишен этого титула А. Д. Меншиков (княжеское достоинство было возвращено его сыну А. А. Меншикову в 1731 г.), в 1730 г. — князья А. Г. и И. А. Долгоруковы, в 1826 г. — восемь князей-декабристов: А. П. Барятинский, С. Г. Волконский, В. М. Голицын, Е. П. Оболенский, А. И. Одоевский, С. П. Трубецкой, Ф. П. Шаховской, Д. А. Щепин-Ростовский, в 1861 г. — князь В. П. Долгоруков.

³⁷ Графы Священной Римской империи появляются в России и после Петра, а именно, Э.-И. Бирон (1730), Б.-Х. Миних (1741), А. К. Разумовский (1744), Михаил Илларионович Воронцов (1744), И.-Г. Лесток (1744), В. В. Фермер (1758), К. Е. Сиверс (1760), братья Роман и Иван Илларионовичи Воронцовы (1760), А. С. Строганов (1761), Д. М. Матюшкин (1762), братья Александр и Илья Андреевичи Безбородко (1784), Э.-Б. Менгден (1778), А. С. Мусин-Пушкин (1779), А. М. Дмитриев-Мамонов (1788), А. Н. Зубов и его сыновья Платон, Николай, Дмитрий и Валерьян (1793; в 1796 г. П. А. Зубов возводится в светлейшие князья), А. Н. Самойлов (1793), братья Петр,

никами³⁸. Первым такой титул получил, по-видимому, Г. И. Головкин (16 февраля 1710 г.), за ним последовали Ф. М. Апраксин (24 февраля 1710 г.), И. А. Мусин-Пушкин (18 июня 1710 г.), Н. М. Зотов (8 июля 1710 г.), Б. П. Шереметев (7–10 августа 1710 г.), затем П. М. Апраксин (1715), Я. В. Брюс (1721), А. М. Апраксин (1722) и П. А. Толстой (8 мая 1724 г. — по случаю коронации Екатерины I)³⁹.

Есть основания полагать, что вначале титул графа, так же как и титул генералиссимуса, был потешным, шутовским (см.: Б. Успенский и Шишкин, 2008, с. 448). Так, в 1710 г. графское достоинство получил всешутейший патриарх Н. М. Зотов. В качестве шутовского титул графа мог не переходить по наследству, и после смерти Н. М. Зотова в 1717 г. его сыновьям и внукам запрещено было называться графами (см.: Корсакова, 1916, с. 478–480)⁴⁰. Сходным образом в 1718 г. в графы был произведен шут Лакоста (д'Акоста) (см.: Берхгольц, III,

---

Яков и Илья Васильевичи Завадовские (1794), братья Аркадий, Николай и Ираклий Ивановичи Морковы (1796), Е. Ф. Комаровский (1803).

Карла Ефимовича Сиверса († 1774), графа Священной Римской империи с 1760 г. (см.: Списки..., 1892, с. 177), не следует путать (как это делает, по-видимому, Хоруженко, 1999, с. 115) с его племянниками, Яковом, Карлом и Петром Ефимовичами, которые в 1798 г. были возведены в графское достоинство Российской империи (см.: Любимов, I, с. 127; Черкас, 1904, с. 398; Черкас, 1904а, с. 411).

³⁸ Как указывает О. И. Хоруженко (1999, с. 134), уже ок. 1700 г. появляется формулярный документ «Проект диплома, графам даваемого» (РГАДА, ф. 154, оп. 2, д. 15), ср. затем «Проект, каким образом пишутся дипломы на достоинство российского графа» (РГАДА, ф. 154, оп. 2, д. 392).

³⁹ Относительно даты пожалования П. А. Толстого в графы см.: Хоруженко, 2013, с. 324–325. В 1727 г. П. А. Толстой был лишен графского достоинства; оно было возвращено его внукам в 1760 г.

Позднее в России появляются также польские и финляндские графы — в связи с вхождением соответствующих территорий в Российскую империю. Хронологический перечень лиц, пожалованных в графское достоинство Российской империи (до сер. XIX в.) см. в кн.: Карнович, 1991, с. 196–207. Общий перечень титулованных особ в России до 1892 г. см.: Списки..., 1892. Мы пользуемся уточненной датировкой О. И. Хоруженко (см.: Хоруженко, 1999, с. 384–386, ср. с. 25–31). Ранее было принято считать, что первым российским графом был Б. П. Шереметев; возведение в графы Б. П. Шереметева относили к 1705–1706 гг., а не к 1710 г., возведение Г. И. Головкина — к 1709 г., а не к 1710 г., Ф. М. и П. М. Апраксиных — к 1709–1710 гг., а не к 1710 и 1715 г.

⁴⁰ Впоследствии Высочайшими указами от 21 июня 1802 г. и 12 июля 1804 г. правнукам Никиты Моисеевича Зотова — прапорщику Николаю

с. 121; Руссе де Мисси, 1736, IV, с. 213; Катифор, 1772, с. 408–409; Голиков, 1788–1789, VII, с. 37; ср. также: Фурсенко, 1914, с. 325; Хоруженко, 1999, с. 48–51)⁴¹. Отметим еще в этой связи шутовское звание

и коллежскому асессору Александру Ивановичам Зотовым — разрешено называться графами.

⁴¹ И. И. Голиков упоминает об этом под 1719 г. (со ссылкой на сообщение П. Н. Крекшина), но речь идет о событиях, предшествующих этому времени. Ж. Руссе де Мисси и А. Катифор ничего не говорят о том, когда Лакоста стал именоваться графом. О. И. Хоруженко удалось обнаружить жалованную грамоту Петра от августа 1718 г., где «генеральный церемониймейстер Кортисес Дакоста» возводится в графы и становится владельцем островов Сомерс и Зецкер со всеми находящимися там «замками, дистриктами и поселениями», с правом «собирать и употреблять по своему самовластному распоряжению» все доходы (РГАДА, ф. 154, оп. 2, д. 146, л. 1–3 об.; см.: Хоруженко, 1999, с. 51 и с. 179, № 12); помянутые острова, очень небольшие по размеру, состояли из камня и песку и не имели жителей. Не ясно, на каком основании Хоруженко датирует этот документ 3 августа 1718 г. (там же, с. 51), это указание сопровождается ссылкой на «Походный журнал 1718 г.» (СПб., 1855, с. 36), но там ничего об этом не говорится. Позднее (29 августа 1740 г.) вышел именной указ «о приписке к публичным деревням и об отдаче в арендное содержание пожертвованных бывшему церемониймейстеру Иоганну Дакосту островов Гохланда, Зеицкар, Лавек-ари и Титер-сарии» (Баранов, II, с. 693, № 7860). Остров Гогьлант или Гохланд (*Hogland*) был подарен Петром I Лакосте в 1721 г., вероятно, еще до заключения Ништадского мира (см.: Хоруженко, 1999, с. 50; Хоруженко ошибочно полагает, что речь идет об острове Готланд); по-видимому, это был номинальный подарок, поскольку остров был занят шведами. Ср. дневниковую запись Ф. Берхгольца под 1 августа 1723 г.: «стали опять на якоре в нескольких милях от острова Гохланда, против песчаного острова Сомерёе... Сомерёе есть то самое графство, которое Ла-Коста получил в подарок от императора. Оно состоит все из камня и песку и не имеет вовсе жителей» (Берхголец, III, с. 121). В том же 1723 г. Лакоста послал «сына своего, чтобы он вышепомянутый остров [Гохланд] принял», но тот встретил противодействие со стороны шведского морского офицера, который, по-видимому, представлял там шведскую администрацию; в 1724 г. Лакоста покупает этот остров, присоединяя его к своим владениям (Хоруженко, 1999, с. 50–51). В 1741 г. в Сенате слушалось дело по иску дочерей «бывшего церемонийместера Ивана Кортазена Дакоста», Сарры и Екатерины, «о пожаловании им, для владения, на остров Самерс, лежащий близ Ревеля (который, по именному указу блаж[енной] и вечно дост[ойной] пам[яти] е[го] и [мператорского] в[еличества] Петра Великого пожалован покойному отцу их), грамоты» (Сенатский архив, III, с. 267–268).

«курфюрста», в которое возводится в 1719 г. князь Иван Гундоров, служивший при «князе-кесаре» И. Ф. Ромодановском (Хоруженко, 1999, с. 51).

Княжеский титул Священной Римской империи при Петре получает только А. Д. Меншиков (1705); затем при Екатерине II его получают Г. Г. Орлов (1772, с титулом «светлости»)⁴², Г. А. Потемкин (1776, с титулом «светлости»), П. А. Зубов (1796, с титулом «светлости»). Российский княжеский титул получает тот же А. Д. Меншиков (1707, с наименованием князем Ижорским и титулом «светлости») и, видимо, Д. К. Кантемир (1711; без титула «светлости»)⁴³, затем при Павле его получают А. А. Безбородко (1797, с титулом «светлости»), П. В. Лопухин (1799, с титулом «светлости»), А. В. Суворов (1799; без титула «светлости»)⁴⁴ и армянский патриарх (католикос всех армян)

Лакоста сопровождал Петра при поездке в Париж в 1717 г., причем отнесен был к первому разряду лиц придворной свиты (см.: Хоруженко, 1999, с. 48–49). Между прочим, он был прапрадедом декабриста П. И. Пестеля (см.: Соколова, 2009, с. 13–14). См. еще о Лакосте: Б. Успенский и Шишкин, 2008, с. 373, 448, 538.

⁴² Диплом на княжеское достоинство Священной Римской империи был подписан императором 10/21 июня 1763 г., но Орлову он был выдан только 4 октября 1772 г. (см.: Списки..., 1892, с. 68; Любимов, I, с. 36–37; Алексеевский, 1905, с. 351).

⁴³ В «Санктпетербургских ведомостях» от 28 июня 1711 г. о Д. К. Кантемире говорится как о волохском господаре, который был «наречен князем россиским» (Пекарский, II, с. 269, № 208). О. И. Хоруженко с сомнением относится к этому известию; при этом ему удалось показать, что Д. К. Кантемир, вопреки своему желанию, не получил титула «светлость» (см.: Хоруженко, 1999, с. 32–34). Потомки Д. К. Кантемира в официальных документах именовались князьями (там же, с. 34). Как кажется, не будучи светлейшим князем, Д. К. Кантемир мог все же быть причислен к князьям Российской империи.

⁴⁴ Суворов получил титул российского князя (с правом передачи его потомкам «мужского и женского родов») с почетным наименованием «Италийский» в связи с пожалованием ему сардинским королем Карлом-Эммануилом IV «достоинства князя с титулом его [короля] двоюродного брата». «Отличие, сделанное Вам его Величеством королем Сардинским, — писал Суворову император Павел 25 августа 1799 г., — я от всего сердца позволяю Вам принять; чрез сие Вы и мне войдете в родство, потому что владетельные особы между собою все считаются роднею» (Фукс, III, с. 268).

После получения этого титула к Суворову стал писать с употреблением титула «светлости»; 23 ноября 1799 г. император Павел I запретил именовать

Иосиф Аргутийский-Долгорукий с его братьями и племянниками (1800; без титула «светлости») ⁴⁵. В XIX в. пожалование княжеским титулом становится достаточно частым явлением (особенно при Николае I) ⁴⁶.

Сам титул «светлейшего князя» (с наименованием «светлостью»), несомненно, говорит об ориентации на Священную Римскую империю ⁴⁷.

Наконец, П. П. Шафиров в 1709 г. становится бароном Священной Римской империи, а в следующем году он возводится и в российское баронское достоинство (30 мая 1710 г., в день рождения царя) ⁴⁸. После этого российский баронский титул получают при Петре

Суворова таким образом (см.: Хоруженко, 1999, с. 123). Титул «светлости» получили внуки Суворова в 1848 г. (см.: Списки..., 1892, с. 44–45).

⁴⁵ Первая часть фамилии «Аргутийский-Долгорукий (Долгоруков)» — русифицированная фамилия патриарха (Аргутян), вторая — русский перевод прозвища персидского царя Артаксеркса I («длинная рука»: по сообщению Плутарха, его правая рука была длиннее левой), на происхождение от которого претендовала семья Иосифа (см.: Унбегаун, 1995, с. 308). Одновременно его фамилия оказывалась созвучной фамилии Долгоруких (Долгоруковых), ведущих свое происхождение от Рюрика.

⁴⁶ Пожалования в князья могло быть с титулом «светлости» или без оно-го. В некоторых случаях титул «светлость» давался природным князьям; так в 1729 г. светлейшим князем стал Иван Алексеевич Долгорукий (Долгоруков), фаворит императора Петра II, в 1834 г. — Петр Михайлович Волконский, в 1841 г. — Дмитрий Михайлович Голицын.

⁴⁷ Титул «светлость» (*Durchlaucht*), «светлейший» (*Durchleuchtig*, лат. *serenissimus*) — высший титул князей в Священной Римской империи. Карл IV дал его светским курфюрстам в 1367 г. Позднее (в XVII в.) этот же титул давали князьям, заседавшим в имперском сейме с правом голоса.

В России этот титул первоначально «понимался исключительно как предикат, относящийся к владетельным князьям (не был исключением и Меншиков — князь Ижорский). Лишь к концу XVIII в. наименование *светлейший князь* стало частным родовым титулом, не предполагавшим владетельного статуса его носителя» (Хоруженко, 1999, с. 33).

⁴⁸ См.: Хоруженко, 1999, с. 27. Баронское достоинство было снято с Шафирова в 1723 г. и возвращено в 1726 г.

Бароны Священной Римской империи появляются в России и после Петра, а именно, К. Е. Сиверс (1745 г.; в 1740 г. он становится графом Священной Римской империи), К. Г. Арпсгофен (1791) и, наконец, братья и сестры Сердобины, незаконные дети вице-канцлера, князя Александра Борисовича Куракина (1802 г.) — Александр (старший), Александр (младший),

А.И. Остерман (30 августа 1721 г.)⁴⁹ и братья Александр, Николай и Сергей Григорьевичи Строгановы, носившие до того времени титул «именитых людей» (1722 г.)⁵⁰.

Достоинно внимания, что Екатерина I в 1726 г. пожаловала в бароны своего карлика, Луку Четихина (Честихина, Честикина, Чешихина, Честина) (см.: Карнович, 1991, с. 220; Хоруженко, 1999, с. 65–66, ср. с. 131, 133)⁵¹; ср. выше о графском титуле как шутовском.

Как видим, в ряде случаев получение титула Священной Римской империи предшествует получению соответствующего российского

Алексей Николаевичи, Екатерина, Лукерья и София Николаевны (в Департаменте герольдии первые бароны Сердобины значились именно как «Николаевичи», а не как «Александровичи»). А. Б. Куракин, будучи балли Мальтийского ордена, не имел права вступать в брак и, следовательно, не мог иметь законных детей; в 1808 г. он выхлопотал у австрийского императора Франца II диплом на баронское достоинство для других своих детей (по-видимому, от другой гражданской жены) — Бориса, Степана и Марии Вревских; так появились бароны Вревские, но Священной Римской империи к тому времени уже не существовало. См.: Хоруженко, 2013, с. 38–39.

⁴⁹ В 1730 г., накануне коронации Анны Иоанновны, А.И. Остерман был возведен в графское достоинство. Остерман был пожалован в графы еще при Петре II (в 1727 г.), но отказался от этого титула до совершеннолетия императора. См.: Хоруженко, 1999, с. 72–75; Любимов, 1915, с. 94.

В 1742 г., с воцарением Елизаветы Петровны, А.И. Остерман и его дети были лишены графского титула, но он был возвращен им в 1762 г., когда трон захватывает Екатерина II.

Старший брат Андрея Ивановича Остермана (Генриха-Иоганна-Фридриха), Иван Иванович (Иоганн-Кристоф-Дитрих) Остерман, также в 1721 г. стал бароном, но он получил баронское достоинство от герцога Мекленбургского (Карла Леопольда), будучи его посланником в Петербурге; с воцарением Елизаветы Петровны он покинул Россию.

⁵⁰ Почетное прозвание «именитого человека» было пожаловано в 1610 г. Василием Шуйским Петру Семеновичу Строганову за его службу у Соли Вычегодский. В 1612 г. того же звания был удостоен брат и совладелец П.С. Строганова — Андрей Семенович. Впоследствии это звание было пожаловано всему роду Строгановых.

Сын Сергея Григорьевича Строганова, Александр Сергеевич, становится в 1761 г. графом Священной Римской империи, а в 1798 г. — графом Российской империи. См.: Списки..., 1892, с. 180–181; Любимов, I, с. 185, 129.

⁵¹ Для Луки Четихина был построен миниатюрный дворец, куда он вселился в 1727 г. (см.: Хоруженко, 1999, с. 65–66).

титула. Так, А. Д. Меншиков сначала становится князем Священной Римской империи (1705), а потом — князем российским (1707). Г. И. Головкин сначала становится графом Священной Римской империи (1707), а потом — графом российским (1710). П. П. Шафиров становится бароном Священной Римской империи (1709) и затем — российским бароном (1710). А. Г. Разумовский сначала становится графом Священной Римской империи (1744 г.) и затем — графом российским (в том же 1744 г.)⁵². А. С. Строганов сначала становится графом Священной Римской империи (1761), а потом — графом российским (1798). А. В. Суворов становится графом Священной Римской империи (22 сентября / 3 октября 1789 г.) и через несколько дней (6 октября) — графом российским с присвоением наименования Рымникский (хотя официальное извещение о возведении в российские графы он получил, по видимому, раньше Высочайшего указа о позволении принять графское достоинство Римской империи)⁵³. 5 апреля 1797 г., в день коронации Павла I, графы Священной Римской империи братья Иван и Роман Илларионовичи Воронцовы (имперские графы с 1760 г.), И. А. Безбородко (имперский граф с 1784 г.), А. М. Дмитриев-Мамонов (имперский граф с 1788 г.), братья Петр, Яков и Илья Васильевичи Завадовские

⁵² Графское достоинство Российской империи вместе с Алексеем Григорьевичем Разумовским в 1744 г. получает и его брат Кирилл. Племянник А. Г. Разумовского, Андрей Кириллович, первый посол на Венском конгрессе, в 1814 г. становится светлейшим князем Российской империи.

⁵³ Списки..., 1892, с. 181. Ср. письма А. В. Суворова к Г. А. Потемкину — от 22 октября 1798 г., где он подписывается «граф Александр Суворов-Рымникский» и от 3 ноября 1789 г., где он подтверждает получение копии Высочайшего указа, позволяющего ему принять титул имперского графа (Суворов, 1986, с. 184–185, № 308, 310, ср. с. 597). Д. Н. Бантыш-Каменский говорит, что Суворов сначала был возведен в графы Российской империи (18 октября 1789 г.), а затем, на следующий день, — в графы Священной Римской империи (см.: Бантыш-Каменский, II, с. 122).

Наименование «графа Рымникского» сохранилось за А. В. Суворовом и после того, как он был возведен в княжеское достоинство и стал именоваться «князем Италийским»: он назывался, таким образом, «князем Италийским, графом Рымникским» или же «князем Италийским, графом Суворовым-Рымникским». Эта номинация отразилась впоследствии на титулатуре И. Ф. Паскевича: в 1828 г., после оккупации Восточной Армении, он получил титул графа с почетным прозванием «Эриванский», а в 1831 г., после подавления восстания в Польше, стал «князем Варшавским»; при этом он именуется «князь Варшавский, граф Паскевич-Эриванский». Ориентация на А. В. Суворова представляется при этом очевидной.

(имперские графы с 1794 г.) были возведены в графы Российской империи⁵⁴. Известны, впрочем, и обратные случаи: так, в 1711 г. (после Прутского похода) князь Д. К. Кантемир получил, по-видимому, российское княжеское достоинство; в 1723 г. император прислал ему диплом на княжеское достоинство Священной Римской империи (едва ли он был получен при его жизни). Б.-Х. Миних в 1728 г. (в день коронации Петра II) становится графом Российской империи, а в 1741 г. — графом Священной Римской империи⁵⁵. Э.-И. Бирон вскоре после 29 апреля 1730 г. был возведен в графы Российской империи (см.: Гемпель, 1742, с. 110; ср.: Манштейн, 1875, с. 29), после чего 1/12 августа 1730 г. возводится в графы Священной Римской империи (см.: Любимов, I, с. 138)⁵⁶.

Итак, с принятием императорского титула имеет место одновременно ориентация как на Рим, так и на Вену — как на прошлое, так и на современное, как на Римскую империю, так и на Священную Римскую империю, как на императора Августа, так и на современного австрийского императора.

7. Возвращаясь к слову «цесарь» необходимо заметить, что этот титул, в отличие от титула «император», мог не восприниматься как чужеродный, поскольку он должен был ассоциироваться с архаической формой титула «царь»⁵⁷. Слово «царь» восходит к «цъсарь», представляя собой результат падения редуцированных и последу-

---

⁵⁴ Вместе с ними графом Российской империи стал в этот день Федор Федорович (Фридрих Вильгельм) Буксгевден, бывший до этого графом прусским (с 1795 г.). См.: Списки..., 1892, с. 121; Любимов, I, с. 92, 142; Хоруженко, 1999, с. 115.

⁵⁵ Миних был возведен в графы Священной Римской империи курфюрстом Саксонским и королем Польским Фридрихом-Августом II (викарием Священной Римской империи) 24 января / 4 февраля 1741 г. В 1742 г. он был лишен достоинства графа Росстийской империи. См.: Списки..., 1892, с. 155–156; Любимов, I, с. 112, 170.

⁵⁶ И. В. Курукин говорит обратное, а именно, что Бирон сначала, в сентябре 1730 г., получил диплом имперского графа и после этого, в том же сентябре 1730 г., был возведен в российские графы (см.: Курукин, 2006, с. 80, без указания источников). Бирон был, видимо, лишен российского графского достоинства после ареста и ссылки в 1740–1741 гг. В списках титулованных особ Российской империи графы Бироны не значатся (см.: Список..., 1889; Списки..., 1892; Любимов, I).

⁵⁷ В 1672 г. русскому посланнику в Рим майору Павлу Менезиусу говорили о грамоте папы к царю: «невозможно назвать государя вашего царем,

ющих ассимиляционных процессов (*цьсарь* > *цсарь* > *царь*). Вместе с тем «цьсарь» в древнерусском книжном произношении звучало как «цесарь», и в такой именно форме это слово предстает в певческих текстах (см. о явлении хомонии в певческих текстах: Б. Успенский, 1997b, с. 179–184; Б. Успенский, 2002a, с. 145–146, § 7.5.3)⁵⁸.

После принятия Петром императорского титула слова «цесарь» и «царь» начинают противопоставляться по своему значению. Если первый титул воспринимается как императорский (поскольку «цесарь» традиционно выступало как наименование императора Священной Римской империи), то титул «царь» понижается в статусе и, в частности, начинает коррелировать со словом «король».

Противопоставление «цесарь — царь» отражает польское словопотребление. Если в русском языке «цесарь» и «царь» в свое время были синонимами и выступали как стилистические варианты одного слова (см. выше), то в польском соответствующие слова воспринимались иначе: слово «cesarz (casarz)» относилось здесь к императору Священной Римской империи — или вообще к императору⁵⁹, — тогда

потому что царь и цесарь одно и то же слово, и если назвать царем, то цесарь и другие потентаты станут на папу сердиться» (Соловьев, VI, с. 547).

⁵⁸ В Пещном действе XVI–XVII вв. по чину новгородского Софийского собора певчие поют «цесаря небесного» (ДРВ, VI, с. 371), «беззаконному цесарю» (с. 379), но при этом как в речи халдеев (с. 372), так и в описании действия (с. 380) употребляется форма «царь». Таким образом, «цесарь» появляется только в песнопениях, тогда как обычной (нейтральной) формой является «царь»; иначе говоря «цесарь» предстает в это время как специфически певческая форма.

Характерно, вместе с тем, что в Стихираре конца XV в. (Рос. Гос. библ., ф. 304.I/Тр.-Серг., № 409) в службе Преображению Христос именуется как «цесарем», так и «царем»: «Свѣтомъ божественнымъ. оученици превбражениемъ твоимъ оудивишася на горѣ фаворьстѣи. и ници на землю падающе. совыше гласо штеческыи. шглашеше христе глаголахѸ. ты еси богъ нашъ *цесарь вѣкомо*. Верста пророкоу во время превбражения. троица апостоль христе. свѣтело просвѣщешеся славою твоею. внѣтръ шблака соущи. шблакъ видащи. тако глаголааше. ты еси богъ нашъ *царь вѣкомъ*» (л. 150–150 об.). Если словосочетание «цесарь вѣкомо» отражает певческую огласовку, то «царь вѣкомъ» представлено в обычной, непевческой форме.

⁵⁹ Слово «cesarz (casarz)» в Польше XVI в. было обычным наименованием для императора: слово «imperator» было мало употребительно. См.: Сл. польск. яз. XVI в., III, с. 164–169; ср. там же, VIII, с. 520).

как «caz» выступало как наименование московского государя или татарского хана (Сл. польск. яз. XVI в., III, с. 182–183).

Очевидным образом употребление слова «caz» определялось при этом значением коррелянтного русского слова «царь»: последнее, действительно, могло относиться как к московскому царю, так и к татарскому хану. Вместе с тем, так же называли на Руси и византийского императора (см. подробнее ниже); таким образом, слово «царь» на Руси объединяло понятия хана и императора — в Польше же этого не было. Соответственно, в Польше «царь» воспринималось как королевский титул: слова «caz» и «król» были здесь равнозначными (Сл. польск. яз. XVI в., III, с. 182–183)⁶⁰.

Такого рода словоупотребление и отразилось на Руси. После того как Петр становится императором, слово «царь» в начале титула заменяется на «император» (ср. в прежнем титуле Петра: «Великий Государь Царь и Великий Князь Петр Алексеевич, всея Великия и Малыя и Белыя России»; в титуле новом: «Петр Первый, Император и Самодержец Всероссийский»). Вместе с тем, слово «царь» сохраняется в императорском титуле в отношении тех владений, которые ранее возглавлялись татарскими «царями», т. е. ханами («Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Сибирский»), а также в отношении Картвелии и Грузии («Государь Иверския земли, Карталинских и Грузинских Царей») (см. подробнее: Б. Успенский, 2000, с. 48 сл.).

После образования в 1815 г. королевства Польского, которое вошло в состав Российской империи, русский император (Александр I) начинает именоваться не только царем Казанским, Астраханским,

---

⁶⁰ Ср. заявление Лжедмитрия I в связи с титулом «цесарь», что «посяместа опричь римской веры в греческой вере цесаря не бывало» (ААЭ, II, №48, с. 109; ср.: РИБ, XIII, стлб. 81): слово «цесарь», очевидно, соотносится со словом «император» и противопоставляется слову «царь». Характерным образом Лжедмитрий именуется «цесарем» и «царем» (СГГД, II, №100, 130, с. 221, 279); слово «цесарь» означает здесь императора, слово «царь» выступает как традиционный титул московского государя. При переводе титула Лжедмитрия на латинский язык «цесарь» переводится как «Caesar», а «царь» — как «rex» (см.: СГГД, II, №95, с. 212). Не позднее декабря 1605 г. в латинских грамотах, направленных в Польшу слово «Caesar» заменяется на «Imperator» (см.: Лаврентьев, 2001, с. 17).

Иностранцы в XVI–XVIII вв. более или менее единодушно усматривают в слове «царь» разновидность королевского титула (см.: Б. Успенский, 2000, с. 40–47). Можно сказать, таким образом, что после того, как Петр стал императором, был принят западный взгляд на титул царя.

Сибирским и Херсониса Таврического⁶¹, но и царем Польским (ПСЗ–1, XXXIII, № 25875, с. 195; Шильдер, IV, с. 331–332)⁶². Польское государство официально носило название «*królestwo Polskie*» (ср. франц. «*royaume de Pologne*»), но по-русски оно столь же официально именуется «царством Польским». Соответственно, русский император, возглавивший это государство (Александр I), называется в Польше «*król Polski*», за границей — «*roi de Pologne*», между тем в России он носит титул «царя Польского» (ПСЗ–1, XXXIII, № 25875, с. 195; Шильдер, IV, с. 331–332). Александр не короновался на польский престол, но его преемник Николай I совершил этот акт — 12 мая 1829 г. он короновался в Варшаве в «короля польского»⁶³. Как видим, слово «король» (польск. *król*), т. е. славянский эквивалент ла-

---

⁶⁰ Наименование «царь Херсониса Таврического» входит в титул русского государя после завоевания Крымского ханства (1783 г.). Слово «царь» подчеркнуто вводится при этом в византийский, а не в татарский культурный контекст — это выражается как греческим названием Крыма («Таврия»), так и эллинизированной формой «Херсонис» (ср. рус. «Херсон», «Корсунь»). См.: Б. Успенский, 2000, с. 51, 97.

⁶¹ «Царь Польский» упоминается в императорском титуле после «царя Казанского, царя Астраханского» — соответственно, перед «царем Сибирским, царем Херсониса Таврического». Таким образом, Польское королевство иерархически оказывается приравненным к бывшим татарским ханствам.

⁶² Коронация происходила в зале Сената в варшавском дворце, в присутствии сенаторов, нунциев и депутатов королевства. Прослушав обедню в православной церкви, Николай явился в залу; лица, несшие регалии, стали по обеим сторонам трона; архиепископ-примас произнес молитву. Когда Николай возложил на себя корону, надел порфиру, принял в руки державу и скипетр, украсил цепью ордена белого орла государыню, — архиепископ провозгласил троекратно: «*vivat rex in aeternum!*». Затем император, преклонив колено, произнес молитву за себя и вверяемый ему Богом народ; совершив ее, он стал один на возвышение трона, а все присутствующие пали на колени (см.: Жуковский, 1885). Ни до, ни после этого русские императоры не короновались на королевство (царство) Польское.

Николай I воспользовался для коронации короной императрицы Анны Иоанновны. Польской короны не существовало: она была увезена в Пруссию и там переплавлена. То обстоятельство, что Николай короновался на королевский престол императорской короной, по-видимому, значения не имело: Николай воспользовался готовой короной, имевшейся в его распоряжении, которая подходила ему по размеру. Пользуемся случаем, чтобы поблагодарить А. В. Лаврентьева за консультацию по этому вопросу.

тинского *rex*, переводится в данном случае как «царь» — и это связано, видимо, как с тем, что русские государи именуется теперь «императорами», так и с тем, что во главе Польши находится теперь православный монарх.

Можно предположить, что с определенного времени — начиная, по-видимому, с эпохи Александра I — русское слово «король», в отличие от слова «царь», рассматривалось как стилистически неадекватное официальному языку титулатуры. Русское слово «король» означало неправославного правителя, «царь» — православного, при том что к этому времени эти два термина коррелировали друг с другом⁶⁴. Точно так же слово «император» до Петра обозначало неправославного правителя, но начиная с Петра так стал официально именоваться русский государь (которого в просторечии продолжали называть «царем»).

8. По своему исходному значению русский титул «царь» (древнерус. «цьсарь», старослав. «цѣсарь»), восходящий к имени Цезаря, равнозначен титулу византийского императора⁶⁵.

Изначально «царем» называли византийского императора (василевса), и соответствующее наименование русского властителя означало тем самым уподобление императору. После нашествия татар так начинают называть на Руси и татарского хана (Б. Успенский, 2000, с. 35). В свою очередь, по мере освобождения от татарского господства все большую актуальность вновь получает уподобление византийскому императору, однако это уподобление осуществляется с новых позиций — тем более, что ко времени окончательного освобождения от татар Византии уже не существует. Более того: уподобление византийскому императору становится особенно актуальным именно с тех пор, как Византийская империя прекращает свое существование, поскольку Москва — в рамках доктрины «Москва – Третий Рим» — понимается теперь как Новый Константинополь и русский

---

⁶⁴ Ранее восприятие слова «король» было иным. В 1587 г. велись переговоры об избрании царя Федора Ивановича на польский трон (вакантный после смерти короля Стефана Батория) и обсуждался вопрос о новом титуле монарха, возглавляющего как Московское, так и Польское государство. По предложению русских, он должен был именоваться «царем и великим князем Владимирским и Московским всея Руси и королем Польским и великим князем Литовским» (см. инструкцию «великому посольству» С. В. Годунова перед отправлением в Польшу весной 1587 г. — Флоря, 1998, с. 143).

⁶⁵ Как свидетельствуют в XVI–XVII вв. иностранные путешественники, русские считают, что титул «царь» не ниже, если не выше императорского (см.: Б. Успенский, 2000, с. 40–46; Лаврентьев, 2001, с. 19–20).

государь заявляет о себе как о преемнике византийских «царей» (что и обуславливает в конце концов венчание на царство Ивана IV). Таким образом, если в свое время образ хана наслои́лся на образ императора, то в дальнейшем, со сменой культурной ориентации, образ императора в какой-то мере наслаивается на образ хана⁶⁶.

После возобновления контактов с греками (прервавшимися после падения Византийской империи и провозглашения — явочным порядком — автокефалии русской церкви в 1461 г., см.: Б. Успенский, 1998, с. 211–259) русские пытаются узнать о византийских порядках и обычаях. Это особенно заметно при царе Алексее Михайловиче.

Алексей Михайлович сознает себя царем православного мира, естественно ориентируясь при этом на византийский образец. Это проявляется в целом ряде значимых признаков (см.: Б. Успенский, 2002а, с. 416). Так, например, он выписывает из Константинополя яблоко (державу) и диадему, сделанные «против образца благочестивого царя Константина» (Барсов, 1883, с. 138). Подобно византийскому императору, царь во время венчания на царство начинает причащаться в алтаре по священническому чину (так, как причащаются священники, а не миряне) (см.: Б. Успенский, 2002b, с. 234–238)⁶⁷. Царя начинают титуловать «святым», как это было принято в Византии (см.: Савва, 1901, с. 147; Живов и Б. Успенский, 1996, с. 235–238). Как подражание деятельности византийских императоров следует рассматривать и издание Уложения (1649 г.), т. е. нового свода законов: введение нового законодательства характерно для многих византийских императоров (Феодосий I, Юстиниан, Лев и Константин) (см.: Живов, 1988, с. 67).

---

⁶⁶ Поскольку Византия преемственно связана с Римом, ориентация на Византию определяет ориентацию на Рим. Так, уже Иван IV — первый русский царь — заявляет, что он потомок императора Августа. Это формулируется в Послании Спиридона-Саввы 1510-х гг., где говорится о связи с Августом отца Ивана, Василия III (затем — не позднее 1527 г. — это утверждение входит в Сказание о князьях Владимирских). Еще ранее, в чине коронования Дмитрия-внука (1498 г.) в качестве регалий фигурирует чаша Августа, которая выступает как знак царского достоинства. См.: Б. Успенский, 1996b, с. 90; Лотман и Б. Успенский, 1996, с. 125, 139.

⁶⁷ Уже Алексей Михайлович начинает причащаться в алтаре по чину священнослужителей (не позднее 1662 г.). В дальнейшем, начиная с венчания на царство Федора Алексеевича (1676 г.), такого рода причащение ограничивается коронационным обрядом (как это и происходило в Византии). Чин поставления Федора Алексеевича был, по-видимому, разработан в царствование Алексея Михайловича.

Если с поставлением царя (Ивана IV, 1547 г.) и патриарха (Иова, 1589 г.) в русском государстве осуществляется реставрация Византийской империи (Византийская империя как бы перемещается в границы Московской Руси), — то в середине XVII в. со стабилизацией русской государственной власти политическая концепция меняется: политическая программа Алексея Михайловича предполагает создание православной империи, выходящей за рамки Московской Руси.

В дальнейшем те же тенденции наблюдаются — в условиях просвещенного абсолютизма — при Екатерине II, которая считает себя главой греческой церкви (см.: Живов и Б. Успенский, 1996, с. 262 и 324, примеч. 54; Б. Успенский, 1998, с. 483, примеч. 28) и готовит своего внука — знаменательным образом названного Константином! — к тому, чтобы тот, после завоевания Османской империи и восстановления в ней православия, занял константинопольский престол. Замечательно при этом, что освобожденный от турков Константинополь должен оказаться в вассальной зависимости от Российской империи, греческий царь — от русского: в соответствии с этой программой русский престол занимает старший внук Екатерины, Александр, а константинопольский престол — второй ее внук, Константин. Именно Российская империя воспринимается как подлинная наследница Византии — и Петербург, после Москвы, воспринимается как Новый Рим (см.: Лотман и Б. Успенский, 1996).

Если титул «царь» предполагает ориентацию на Византию, то титул «император» подразумевает ориентацию на Западную Европу. Вместе с тем ориентация на Византию осмыслялась как *translatio imperii*, поскольку Московское государство оказывалось единственным независимым государством, сохранившим православную веру; именно это оправдывает претензии на преемство по отношению к Византии — в рамках Московского царства воссоздавалась Византийская империя. Соответственно, принятие русским монархом титула «царь» получало историческую мотивацию, оно опиралось на определенную традицию. Напротив, принятие титула «император» имело чисто условный, игровой характер.

9. До Петра в Европе была Римская империя и затем две империи, на которые воспринимали себя как ее продолжение, — Византийская и Священная Римская⁶⁸. Каждая из этих двух империй считала

---

⁶⁸ Оставляем в стороне восточные монархии — такие как Персидская, Османская, Японская или Золотоордынская, которые могли у п о д о б л я т ь с я империям: неформально они могли называться империями, но, строго го-

себя подлинным продолжением Римской империи и отказывала другой в праве считаться ее наследницей.

Византийская империя была преемственно связана с Римской империей и фактически является ее непосредственным продолжением. Принято считать, что Византийская империя возникла после смерти императора Феодосия I в 395 г. и окончательного раздела Римской империи на западную и восточную части (этот взгляд навязан западной историографией, которая отражает в конечном счете перспективу Священной Римской империи)⁶⁹. Однако для самих византийцев это было прямое продолжение Римской империи. Термин «Византия» для обозначения этого государства не соответствует самоназванию: он был введен историками в XVII в. для того, чтобы отличать явления Средневековья от явлений античности с тем же именем (Римскую империю эпохи античности от Римской империи эпохи Средневековья; историю греков в античности от истории греков в Средние века)⁷⁰. На Западе называли Византию империей греков («*Imperium Graecorum*»), тогда как сами византийцы именовали себя ромеями (Ῥωμαῖοι, Ῥωμιοί) и называли свою страну не греческой, а именно римской империей (Βασιλεία τῶν Ῥωμαίων, *Imperium Romanum*, *Imperium Romanorum*).

В таком же ключе понимало себя затем и Московское царство, основывающееся на доктрине «Москва – Третий Рим». Связь эта, однако, уже не столь очевидна.

Если в случае Византийской империи можно говорить о прямой преемственной связи с Римской империей, то в случае

воря, таковыми не являлись. Во главе этих монархий находился правитель с туземный титулом; титул этот мог переводиться — неофициально — как «император», но это вопрос именно перевода, условного соотнесения. Такая же ситуация была и со словом «царь» — это был туземный титул, который мог приравниваться к титулу императора или короля (см.: Б. Успенский, 2000, с. 38–47).

⁶⁹ Западная Римская империя перестала существовать в 476 г., когда Одоакр, начальник одного из германских наёмных отрядов на римской службе, сверг последнего императора Ромула Августа. Императорские регалии Западной Римской империи (диадему и пурпурную мантию) и сокровища западного двора Одоакр отослал в Константинополь, за что получил от византийского императора (Зенона) титул патриция и формальную должность наместника императора в Италии. С этого времени византийский император считался формальным правителем всей Римской империи.

⁷⁰ Этот термин был введен Иеронимом Вольфом в 1557 г. и затем упрочен в 1668 г. в парижском «Корпусе византийских историков» (*Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae*).

Московского царства речь идет об ориентации на Византию, т. е. о стремлении воссоздать Византийскую империю на русской территории. Речь идет, понятно, о идеологии — о программе, а не о ее реализации.

Эта программа могла реализоваться только после освобождения от татарского господства. Существенно при этом, что Византии к этому времени уже не существовало и связь с греческой церковью была прервана (после фактического провозглашения автокефалии русской церкви).

Если Византия преемственно связана с Римской империей и может отталкиваться от нее как христианская империя, противопоставляющая себя языческой (Константинополь как Новый Рим противопоставлял себя ветхому Риму), то в случае Западной империи (начиная с Карла Великого и затем особенно с Оттонов) имела место реставрация Римской империи. Это типологически сопоставимо с реставрацией Византийской империи в Московской Руси, но в одном случае имеет место *translatio imperii*, в другом — империя воссоздается, хотя бы номинально, на том же месте, на руинах бывшего величия. Особое значение при этом имеет поставление императора в Риме, которая обеспечивает легитимность императорской власти. Рим сохраняет свое значение как место, где происходит поставление императоров: он оказывается источником императорской власти — в прямом географическом смысле. Во главе угла оказывается представление о сакральном пространстве⁷¹.

---

⁷¹ С XIII в. правители империи часто уже не получают поставления в Риме: строго говоря, это означает, что они были «римскими королями», а не императорами (см.: Лангер, 1980, с. 1369; о термине «римский король» см. ниже, примеч. 75). Традиция поставления в Риме окончательно разрушается с Авиньонским пленением (1309–1423), когда папы оказываются разобщенными от Рима: значение Рима как исторического центра империи уже не соединяется с мистическими полномочиями папы римского. В это время только два императора были поставлены в Риме и ни одного в Авиньоне. Людвиг Баварский, не признав папской анафемы, совершил поход на Рим, где и состоялась его коронация императорской короной (1328). При этом Людвиг подчеркнул, что принимает корону по «воле народа», а не папы; короновал его сенатор Колонна, которого звали «капитаном римского народа». Затем Людовик провозгласил детронизацию Иоанна XXII и на его место назначил францисканца-спиритуала Пьетро Райналдуччи (антипапа Николай V). После этого в Риме короновался в 1354 г. Карл IV (Люксембург); его короновал один из итальянских кардиналов. Последним императором, коронованным в Риме, был Фридрих III (1440–1493). Последним императором, коронованным папой римским, был Карл V (1519–1558; коронация состоялась в Болонье).

Реставрация Римской империи на Западе начинается с Карла Великого, который в Рождество 800 г. коронуется в Риме как император⁷²; он называет себя «императором, управляющим Римской империей» (*imperator Romanum gubernans imperium*)⁷³. После коронации Карла возникает полемика с Византией о слове «римский» в титулатуре. В 812 г. император Михаил I признает за Карлом титул императора. В дальнейшем Фридрих I Барбаросса предлагает императору Мануилу I именоваться «императором Нового Рима», а не римским императором (Б. Успенский, 2000, с. 20).

Священная Римская империя была основана в 962 г. восточно-франкским королем Оттоном I Великим и рассматривалась как продолжение античной Римской империи и франкской империи Карла

По сообщению Адама Бременского, Магнус, сын Свена, короля датского († 1039), при жизни отца отправляется в Рим, чтобы быть помазанным в короли; по пути он скончался (Ф. Успенский, 2001, с. 54). Вероятно, при этом имеет место подражание западным императорам.

⁷² Сын Карла Людовик I Благочестивый (814–840) был коронован и помазан (папой Стефаном IV) не в Риме, а в Реймсе; связь с Римом осуществляется в данном случае через папу (сам Карл был коронован папой Львом III, но не помазан — Б. Успенский, 2000, с. 18–20). Традиция инаугурационного поставления в Риме возобновляется с сына Людовика, Лотаря I (840–855), который был помазан и коронован папой Пасхалием I в Пасхальное воскресенье 823 г.; там же происходит помазание сына Лотаря Людовика II в 850 г. (коронован он, по-видимому, не был) и затем коронация и помазание Карла II Лысого в Рождество 875 г., Карла III Толстого в 881 г, Гвидо II Сполетского в 891 г.; между тем сын Гвидо, Ламберт Сполетский в 892 г. был поставлен (папой Формозом) как соправитель своего отца в Равенне; его соперник Арнульф Каринтийский был поставлен (тем же папой Формозом) в 896 г. в Риме, Людовик III был поставлен (папой Бенедиктом IV) в 901 г. в Риме, Беренгар I был поставлен (папой Иоанном X) 24 марта 916 г. (в канун Благовещения) в Риме.

Традиция помазания папой начинается с Пипина Короткого. Еще до возникновения Франкской империи папа Стефан II помазует Пипина как короля франков в Сен-Дени в 754 г., а вместе с ним и его сыновей — Карла (будущего императора) и Карломана. Это было второе помазание Пипина: первое было осуществлено Бонифацием, ариепископом Майнцским, в Суассоне в 751 г.; повторение данного обряда в 754 г. призвано было подчеркнуть особое значение именно папского помазания. Пипин был первым монархом, возведенным на престол папой римским; после него это становится традицией на Западе. См.: Б. Успенский, 2000, с. 6 сл.

⁷³ Об ориентации Карла Великого на императорский Рим см.: Бёрнс, 1947, с. 572–573; Б. Успенский, 2000, с. 63.

Великого. Оттон I использовал титул «Император римлян и франков» (*imperator Romanorum et Francorum*). Хотя ядром империи всегда являлась Германия⁷⁴, ее сакральным центром был Рим: в этом городе до XVI века проводились коронации императоров, и именно из Рима, по средневековым представлениям, проистекала их божественная власть. Титул «Римский император» (*imperator augustus Romanorum*) использовался уже Оттоном II (973–983), а словосочетание «Римская империя» впервые упоминается в источниках под 1034 г.⁷⁵ В то же время, использование данного титула вызвало резкое неприятие в Византии, где считалось, что только византийский император имеет право называться римским императором.

Рим как сакральное место определял священные полномочия как императоров, занимающих престол императора Августа, так и пап, занимающих кафедру св. Петра. Императоры претендовали на верховную духовную власть на территории Священной Римской империи и роль защитника и покровителя христианской церкви. Претензии на духовную власть привели к конфликту между императором Генрихом IV (1056–1106) и папой Григорием VII (1073–1088)⁷⁶, выразившимся в борьбе за инвеституру и закончившимся Wormским конкордатом (1122–1123) и Первым Латеранским собором (1123), подтвердившими, что духовная власть исходит только от церкви, а светская власть неправомочна вмешиваться в избрание пап и назначение епископов и аббатов.

Термин «священная империя» (*sacrum imperium*) употребляется с 1157 г. Фридрихом I Барбароссой (1152–1190) в противовес духовной юрисдикции папы (*sancta ecclesia*): термин обозначал территорию, управляемую императором⁷⁷. Название «Священная Римская им-

---

⁷⁴ За исключением короткого царствования Оттона III, перенесшего свою резиденцию в Рим.

⁷⁵ Примерно с этого же времени германский король после избрания его князьями-электорами (курфюрстами, *principes electores imperii*) до своего поставления в Риме именуется «королем римлян» (*rex romanorum*). Этот титул означает претензию на титул императора Священной Римской империи и, как правило, фактическое управление ею.

⁷⁶ Именно в это время в условиях борьбы за независимость церкви утверждается celibат священников.

⁷⁷ Ср. о противопоставлении *sacer* – *sanctus*: Бенвенист, 1995, с. 347–350. Изначально *sacer* означало «посвященный богам, принадлежащий богам, имеющий божественное происхождение», тогда как *sanctus* (производное от глагола *sancire*) означало «защищенный, санкционированный свыше». Определение *sacer* противопоставлено *profanus* «находящийся вне храма,

перия» в его латинской версии «*Sacrum Romanum Imperium*» впервые появилось в 1254 г.⁷⁸

10. Итак, до появления Российской империи в Европе были две империи, и обе они претендовали на связь с Римом. Византийская империя претендовала на преемственную связь с античной Римской империей: связь во времени. В случае западной Римской империи (Франкской и затем Священной Римской империи) связь с Римом осуществлялась не во времени, а в пространстве: Рим как место выступал как источник власти императоров. Московское царство было продолжением Византийской империи, т. е. сохраняло связь с Римом (в отличие от Византии, не непосредственную, а опосредованную).

Российская империя — это первая империя в Европе, которая не может претендовать на какую бы то ни было связь с Римом: подражание Римской империи имеет теперь чисто условный, игровой характер, никак не будучи мотивировано. Появление на сцене Российской империи обуславливает переосмысление самого понятия «империи»: значимыми оказываются не исторические, а типологические критерии — не преемственность по отношению к Римской империи, а такие характеристики, как величина территории, большое количество населения, полиэтничность, многоступенчатость политической организации, регулирование отношений местной элиты имперским центром, принципиальная открытость границ (их размытость, возможность экспансии) и т. п. Соответственно, с появлением Российской империи появляются новые империи, никак не претендующие на историческое обоснование понятия «империи» и основывающиеся исключительно на типологических характеристиках. Эти

святилища (*fanum*)»: по словам Бенвениста, «в слове *sacer* содержится только обозначение особой области божественного... *Sacer* занимает область, отдельную по самому местоположению» (с. 353). Именно это и подчеркивалось в названии *sacrum imperium*: здесь сказывается отношение к Риму как к особой области, своего рода святилищу.

Противопоставление *sacer* – *sanctus*, заложенное в самом названии западной империи («*Sacrum Imperium Romanum*»), теряется в немецком ее названии («*Heiliges Römisches Reich*»), также как и в русском («Священная Римская империя»).

⁷⁸ После отпадения Бургундии и Италии меняется императорский титул. В 1512 году Максимилиан I в своем обращении к рейхстагу впервые официально использовал наименование «Священная Римская империя германской нации» (*Sacrum Imperium Romanum Nationis Germanicae, Heiliges Römisches Reich Deutscher Nation*).

империи имеют теперь прежде всего национальный характер, и это подчеркивается в их названии. Так, вслед за Российской империей, появляются французская, австрийская, британская, германская. Наполеон объявляет себя «императором французов» (1804); он уничтожает Священную Римскую империю (1806), и она превращается сначала в Австрийскую (1804) и затем Австро-Венгерскую империю⁷⁹. Именно Наполеон демонстративно рвет всякую связь понятия империи с Римом (которую условно — на семиотическом уровне — пытался сохранить Петр I)⁸⁰. Наконец, Вильгельм I после объединения Германии и победы над Францией был провозглашен в Версале германским императором (1871), а королева Виктория становится императрицей Индии (1876). Сюда же надо отнести империи Нового Света — Бразильскую (1822–1889) и Мексиканские (1822–1823; 1863–1867).

Появление всех этих империй говорит о переосмыслении термина; у истоков этого процесса находится Российская империя.

Цитируемая литература

- ААЭ, I–IV — Акты, собранные ... Археографическою экспедициею Академии наук, т. I–IV. СПб., 1836.
- Алексеевский, 1905 — *Алексеевский В.* Орлов, Григорий Григорьевич // Русский биографический словарь, т. «Обезьянинов – Очкин». СПб., 1905 (с. 349–353).

---

⁷⁹ Австрийская империя была создана в 1804 г. императором Францем II (Франц II, император Священной Римской империи германской нации, становится Францем I, императором Австрийским) в ответ на провозглашение императором Наполеона I. В 1806 г. под давлением Наполеона была упразднена Священная Римская империя германской нации, монархом которой традиционно был правитель Габсбургской монархии.

⁸⁰ Папа римский (Пий VII) приезжает в Париж, чтобы короновать Наполеона в Соборе Парижской Богоматери, но Наполеон выхватывает у него корону и коронует себя сам как «император французов» (2 декабря 1804 г.).

Сын Наполеона, Наполеон II (1811–1832), при рождении получил титул короля Римского (в 1815 г. после поражения при Ватерлоо Наполеон отрекается от престола в пользу сына и тот на несколько дней становится номинальным императором Наполеоном II; в 1852 г. его двоюродный брат принц Шарль Луи Наполеон Бонапарт провозглашает себя императором под именем Наполеона III, признав таким образом Наполеона II как императора).

- Бантыш-Каменский, I–IV — [Дмитрий Бантыш-Каменский]. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов, ч. I–IV. М., 1840–1841. Репринт: [М.], 1991.
- Баранов, I–III — Описание высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве за XVIII век, т. I–III. Сост. П. Баранов. СПб., 1872–1878. Т. I (1704–1725). СПб., 1872; т. II (1725–1740). СПб., 1875; т. III (1740–1762). СПб., 1878. Указатели к I и II томам... СПб., 1875; указатели к III тому... СПб., 1878.
- Барсов, 1883 — Барсов Е. В. Древнерусские памятники священного венчания царей на царство в связи с греческими их оригиналами. С историческим очерком чинов царского венчания в связи с развитием идеи царя на Руси. М., 1883. Оттиск из «Чтений в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете», 1883, кн. 1.
- Бенвенист, 1995 — Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов (I. Хозяйство, семья, общество. II. Власть, право, религия). Пер. с фр. под ред. Ю. С. Степанова. М., [1995].
- Бёрнс, 1947 — Burns C. D. The First Europe: A Study of the Establishment of Medieval Christendom A. D. 400–800. London, [1947].
- Берхгольц, I–IV — Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца [F. W. von Bergholz] (1721–1725), ч. I–IV. Пер. с нем. И. Ф. Аммона. Новое [3-е] изд. с доп. и примеч. М., 1902–1903. Прилож. к «Русскому архиву» за 1902 г. (№ 9–12) и 1903 г. (№ 1–5).
- Быкова и Гуревич, 1955 — Быкова Т. А., Гуревич М. М. Описание изданий гражданской печати (1708 – январь 1725 года). М.; Л., 1955.
- Вебер, I–III — [Fr. Chr. Weber]. Das veränderte Rußland, in welchem die ictzige Verfassung des Geist- und Weltlichen Regiments, der Kriegs-Staat zu Lande und zu Wasser, der wahre Zustand der Rußischen Finantzen, die geöffneten Berg-Wercke, die eingeführte Academien, Künste, Manufacturen, ergangene Verordnungen, Geschäfte mit denen Asiatischen Nachbahren und Vasallen, nebst der allerneuesten Nachricht von diesen Völckern. Ingleichen die Begebenheiten des Tzarewizen, und was sich sonst merckwürdiges in Rußland zugetragen, nebst verschiedenen bisher unbekandten Nachrichten vorgestellt werden. Mit einer biß 1720, gehenden Journal vorgestellt werden, mit einer accuraten Land-Charte und Kupferstichen versehen. Neu-Verbesserte Auflage, theil I–III. Franckfurth und Leipzig, 1738–1740.
- Воскресенский, 1945 — Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. М.; Л., 1945.
- Галем, I–II — Жизнь графа Миниха, императорского Российского генерал-фельдмаршала. Сочинение г-на Галема. Пер. с нем., ч. I–II. М., 1806. Ср.: Gerhard Anton von Halem. Lebensbeschreibung des Russisch-Kaiserlichen Generalfeldmarschalls Burchard Christoph von Münnich. Oldenburg 1803.

- Гемпель, 1742 — [*Christian Friedrich Hempel*]. Merckwürdiges Leben des unter dem Namen eines Grafens von Biron weltbekannten Ernsts Johann, gewesenen Regentens des Russischen Reichs, auch Herzogs, in Liefland, zu Curland, und Semgallien ... Andere, verbesserte, und um ein merckliches vermehrte, Auflage. Bremen, 1742.
- Голиков, 1788–1789, I–XII — *Голиков И. И.* Деяния Петра Великаго, мудраго преобразителя России, собранныя из достоверных источников и расположенныя по годам, ч. I–XII. М., 1788–1789.
- Голиков, 1790–1797, I–XVIII — *Голиков И. И.* Дополнения к Деяниям Петра Великаго, т. I–XVIII. М., 1790–1797.
- Даль, I–IV — *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. 4-е изд. Под ред. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ, т. I–IV. СПб.; М., 1912–1914.
- Дмитриевский, 1899 — *Дмитриевский А.* Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории по рукописи трапезунтского Сумелийского монастыря. Киев, 1899. То же в «Трудах Киевской Духовной Академии» за 1898–1899 гг.; в журнальной публикации другое название: «Архиепископ Елассонский Арсений (Суздальский тож) и его вновь открытые исторические мемуары».
- ДРВ, I–XX — Древняя российская вивлиофика ... изданная Николаем Новиковым. Изд. 2-е, вновь испр. ..., ч. I–XX. М., 1788–1791. Репринт: The Hague; Paris, 1970 (= Slavistic Printings and Reprintings, vol. CCL).
- Живов, 1988 — *Живов В. М.* История русского права как лингво-семиотическая проблема // *Semiotics and the History of Culture: In Honor of Jurij Lotman. Studies in Russian.* Ed. by M. Halle, K. Pomorska, E. Semeka-Pankratov, B. Uspenskij. Columbus, [1988] (= University of California, Los Angeles: Slavic Studies, vol. 17) (с. 46–128).
- Живов и Б. Успенский, 1996 — *Живов В. М., Успенский Б. А.* Царь и Бог: Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // *Б. А. Успенский. Избранные труды, т. I: Семиотика истории; семиотика культуры.* Изд. 2-е, испр. и переработ. М., 1996 (с. 205–337).
- Жуковский, 1885 — *Жуковский В.* О короновании государя имп. Николая Павловича в Варшаве // *В. Жуковский. Сочинения, т. V.* СПб., 1885 (с. 361–463).
- Идея Рима..., 1993 — *L'idea di Roma a Mosca: secoli XV–XVI. Fonti per la storia del pensiero sociale Russo.* Direzione della ricerca Pierangelo Catalano, Vladimir T. Rašuto. — *Идея Рима в Москве XV–XVI века. Источники по истории русской общественной мысли.* Отв. ред. П. Каталано, В. Т. Пашуто. Roma, [1993] (= *Da Roma alla Terza Roma: Documenti e studi. Documenti, I*).
- Кантемир, I–II — Сочинения, письма и избранные переводы князя *Антиоха Дмитриевича Кантемира.* Вступ. ст. и примеч. В. Я. Стоюнина. Под ред. П. А. Ефремова, т. I–II. СПб., 1867–1868.

- Каптерев, 1909–1912 — *Каптерев Н. Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович, т. I–II. Сергиев Посад, 1909–1912.
- Карамзин, I–XII — *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Изд. 5-е, т. I–XII. СПб., 1842–1843. Ср.: *П. Строев.* Ключ или алфавитный указатель к Истории государства Российского Н. М. Карамзина. СПб., 1844. Репринт (в четырех книгах). М., 1988.
- Карнович, 1991 — *Карнович Е. П.* Родовые прозвания и титулы в России. М., 1991. Переиздание книги 1886 г.
- Катифор, 1772 — [*Catiforo A.*]. Житие Петра Великого императора и самодержца всероссийского, отца отечества, собранное из разных книг, во Франции и Голландии изданных, и напечатанное в Венеции, Медиолане и Неаполе на диалекте италианском, а потом и на греческом, с коего на российской язык перевел статский советник Стефан Писарев. СПб., 1772. Книга была переведена в 1743 г. по повелению императрицы Елизаветы Петровны.
- Корсакова, 1916 — *Корсакова В. А.* Зотов Никита Моисеевич // Русский биографический словарь, т. «Жабокритский – Зяловский». Пг., 1916 (с. 476–481).
- Курукин, 2006 — *Курукин И.* Бирон. М., 2006.
- Лаврентьев, 2001 — *Лаврентьев А. В.* Царевич – царь – цесарь. Лжедмитрий I, его печати, наградные знаки и медали. 1604–1606 гг. СПб., 2001.
- Лангер, 1980 — *An Encyclopedia of World History. Comp. and ed. by William L. Langer.* Boston, [1980].
- Ломоносов, I–X — *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений, т. I–X. М.; Л., 1950–1959.
- Лотман и Б. Успенский, 1996 — *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Отзвуки концепции «Москва — Третий Рим» в идеологии Петра Первого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // *Б. А. Успенский.* Избранные труды, т. I: Семиотика истории; семиотика культуры. Изд. 2-е, испр. и переработ. М., 1996 (с. 124–141).
- Любимов, I–II — *Сергей Васильевич [С. В. Любимов].* Титулованные роды Российской империи: Опыт подробного перечисления всех титулов российских дворянских фамилий, с указанием происхождения каждой фамилии, а также времени получения титула и утверждения в нем, т. I–II. СПб., 1910. На титульном листе автор обозначен как *Сергей Васильевич*, на обложке — как *С. Васильевич*.
- Манштейн, 1875 — Записки [*Христофора Германа*] *Манштейна* о России (1727–1744). Пер. с фр. с подлинной рукописи Манштейна. СПб., 1875. Прилож. к «Русской старине» за 1875 г.
- Описание коронации, 1724 — Описание коронации Ее величества императрицы, Екатерины Алексиевны, торжественно отправленной в царствующем граде Москве 7 мая 1724 году. СПб., 1724.

- Пекарский, I–II — *II. Пекарский*. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I–II. СПб., 1862.
- Переписка..., 1884 — Дипломатическая переписка французских послов и посланников при русском дворе (годы с 1719 по 1723). Напечатано под наблюдением *Г.Ф. Штендмана*, ч. 2-я. СПб., 1884 (= Сборник имп. Русского исторического общества, т. XL; ср. ч. 1-я — там же, т. XXXIV, 1881).
- Порфирьев, 1901 — *Порфирьев И.* История русской словесности. Изд. 4-е, ч. I–II (отд. 1–2). Казань, 1901.
- Преображенский и Новицкая, 1997 — Законодательство Петра I. [Отв. ред. А. А. Преображенский, Т. Е. Новицкая]. М., 1997.
- Протоколы, 1868 — Протоколы заседаний Св. Синода, особенного и общего с Сенатом, о поднесении царю Петру Алексеевичу титула Отца Отечества, Петра Великого, Императора Всероссийского // Описание документов и дел, хранящихся в Архиве Святейшего Правительствующего Синода, т. I. СПб., 1868 (прилож. XLII, стлб. CCCCLII–CCCCLIX).
- ПСЗ–1, I–XLV — Полное собрание законов Российской империи [Собрание 1-е: с 1649 по 12 декабря 1825 г.], т. I–XLV. СПб., 1830–1843.
- ПСЗ–3, I–XXXIII — Полное собрание законов Российской империи [Собрание 3-е: с 1 марта 1881 г. по 31 декабря 1913 г.], т. I–XXXIII. СПб./Пг., 1885–1916.
- Руссе де Мисси, I–IV — *Rousset de Missy Jean*. Memorie del Regno di Pietro il Grande, imperadore di Russia, padre della patria, ec. ec. ec. del B. Iwan Nestesusuranoi, divise in quatro tomi, nuovamente tradotte dal francese nel volgare italiano, t. I–IV. Venezia, Lazzaroni, 1736.
- Савва, 1901 — *Савва В.* Московские цари и византийские василевсы: К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков, 1901.
- Сатоу, 1947 — *Сатоу Э.* Руководство по дипломатической практике. Пер. с англ. М., 1947. Ср.: *Satow E.* A Guide to Diplomatic Practice. London & New York, 1917.
- Сахаров, I–II — *Сахаров И. П.* Сказания русского народа. Изд. 3-е, т. I–II. СПб., 1841–1849.
- СГГД, I–V — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел, ч. I–V. М., 1813–1894.
- Сенатский архив, I–XV — Сенатский архив, т. I–XV. СПб., 1888–1913.
- Сл. польск. яз. XVI в., I–XXXV — *Słownik polszczyzny XVI wieku*, t. I–XXXV. Wrocław *et al.*, 1966–2011.
- Соколова 2009 — *Соколова Н. А.* Укоренение рода Пестелей в России // Русский сборник: Исследования по истории России, т. VI. [М.], 2009 (с. 7–15).
- Соловьев, I–XV — *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен, кн. I–XV. М., 1962–1966.

- Списки..., 1892 — Списки титулованным родам и лицам Российской империи. [С предисл. Н. Непорожнева]. СПб., 1892.
- Список..., 1889 — Список пожалований графских и княжеских достоинств за время от Петра Великого по 1881 год. СПб., 1889.
- Суворов, 1986 — *Суворов А. В.* Письма. Изд. подготовил В.С. Лопатин. М., 1986.
- Сумароков, I–X — Полное сочинение в стихах и прозе *Александра Петровича Сумарокова*. Собраны и изданы Николаем Новиковым. Изд. 2-е, ч. I–X. М., 1787.
- Тетради Ивана Павлова, 1872 — Страдалец по своей воле за двоеперстное крестное знамение (1737 года) [Тетради Ивана Павлова в Преображенском приказе] // Исторические бумаги, собранные Константином Ивановичем Арсеньевым. Приведены в порядок и изданы П. Пекарским. СПб., 1872 (= Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук, т. IX) (с. 114–132).
- Унбегаун, 1995 — *Унбегаун Б. О.* Русские фамилии. Перевод с англ. /Общая редакция и послесловие Б. А. Успенского. Изд. 2-е, испр. М., [1995].
- Б. Успенский, 1996а — *Успенский Б. А.* Historia sub specie semioticae // *Б. А. Успенский*. Избранные труды, т. I: Семиотика истории; семиотика культуры. Изд. 2-е, испр. и переработ. М., 1996 (с. 71–82).
- Б. Успенский, 1996б — *Успенский Б. А.* Восприятие истории в Древней Руси и доктрина «Москва — третий Рим» // *Б. А. Успенский*. Избранные труды, т. I: Семиотика истории; семиотика культуры. Изд. 2-е, испр. и переработ. М., 1996 (с. 83–123).
- Б. Успенский, 1996с — *Успенский Б. А.* Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // *Б. А. Успенский*. Избранные труды, т. I: Семиотика истории; семиотика культуры. Изд. 2-е, испр. и переработ. М., 1996 (с. 142–183).
- Б. Успенский, 1997а — *Успенский Б. А.* Свадьба Лжедмитрия // Труды Отдела древнерусской литературы [Ин-та русской литературы Рос. акад. наук], т. L. СПб., 1997 (с. 404–425).
- Б. Успенский, 1997б — *Успенский Б. А.* Русское книжное произношение XI–XII вв. и его связь с южнославянской традицией (Чтение еров) // *Б. А. Успенский*. Избранные труды, т. III: Общее и славянское языковедение. М., 1997 (с. 143–208).
- Б. Успенский, 1998 — *Успенский Б. А.* Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998.
- Б. Успенский, 2000 — *Успенский Б. А.* Царь и император: Помазание на царство и семантика монарших титулов. М., 2000.
- Б. Успенский, 2002а — *Успенский Б. А.* История русского литературного языка (XI–XVII вв.). Изд. 3-е, испр. и доп. М., 2002.

- Б. Успенский, 2002b — *Успенский Б. А.* Литургический статус царя в русской церкви: приобщение св. Тайнам (Историко-литургический этюд) // *Б. А. Успенский. Этюды о русской истории.* СПб., 2002 (с. 229–278).
- Б. Успенский, 2004 — *Успенский Б. А.* Европа как метафора и как метонимия (применительно к истории России) // *Б. А. Успенский. Историко-филологические очерки.* М., 2004 (с. 9–26).
- Б. Успенский, 2012 — *Успенский Б. А.* Из истории имянаречения: Запрет на повторение имени отца при наименовании ребенка // *Именослов: История языка, история культуры.* Отв. ред. Ф. Б. Успенский (= Труды Центра славяно-германских исследований [Ин-та славяноведения Рос. акад. наук], II). М., 2012 (с. 26–33).
- Б. Успенский и Шишкин, 2008 — *Успенский Б. А., Шишкин А. Б.* Тредиаковский и янсенисты // *Б. А. Успенский. Вокруг Тредиаковского: Труды по истории русского языка и русской культуры.* М., 2008 (с. 319–456).
- Ф. Успенский, 2001 — *Успенский Ф. Б.* Имя и власть: Выбор имени как инструмент династической борьбы в средневековой Скандинавии. М., 2001.
- Фасмер, I–IV — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева, т. I–IV. М., 1964–1973.
- Флоря, 1998 — *Флоря Б. Н.* К истории развития легенды о дарах Мономаха // *Славяне и их соседи, вып. 8: Имперская идея в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы.* М., 1998 (с. 141–146).
- Фукс, I–III — [*Фукс Е. Б.*]. История Российско-австрийской кампании 1799 года под предводительством генералиссимуса князя Итальянского, графа Александра Васильевича Суворова-Рымникского, ч. I–III, СПб., 1825–1826.
- Фурсенко, 1914 — *Фурсенко В.* Лесток // *Русский биографический словарь, т. «Лабзина – Лашенко».* Пг., 1914 (с. 323–346).
- Хоруженко, 1999 — *Хоруженко О. И.* Дворянские дипломы XVIII века в России. М., 1999.
- Хоруженко, 2013 — *Хоруженко О. И.* Герб в практиках формирования родовых корпораций русского дворянства XVII–XIX вв. М., 2013.
- Черкас, 1904 — *Черкас А.* Сиверсы // *Русский биографический словарь, т. «Сабанеев – Смыслов».* Пг., 1904 (с. 397–398).
- Черкас, 1904a — *Черкас А.* Сиверс, Яков Ефимович (Яков Иоганн) // *Русский биографический словарь, т. «Сабанеев – Смыслов».* Пг., 1904 (с. 407–412).
- Шепелев, 1999 — *Шепелев Л. Е.* Чиновный мир России: XVIII — начало XX в. СПб., 1999.
- Шильдер, I–IV — *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый: Его жизнь и царствование, т. I–IV. СПб., 1897–1898.
- Шмурло, 1912 — *Е. Шмурло.* Петр Великий в оценке современников и потомства, вып. I (XVIII век). СПб., 1912.